

ПРЫЖОК

Е. Ставрогина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елизавета Ставрогина

Прыжок

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ставрогина Е.

Прыжок / Е. Ставрогина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1037-3

Роман Борисович Лузов – 24-летний писатель и журналист. Два года назад он потерял лучшего друга Сашу, и теперь все, чем он живет, – это его «вымученный» роман, который он никак не закончит, и ненависть к Андрею Зубову, которого все обвиняют в убийстве Алекса... Вокруг кружка молодых людей кипит и меняется жизнь, но они – продукт общественного застоя – обречены на апатию и молчаливое безразличие ко всему происходящему. Это история о бессмысленных жертвах, смерти, поиске бога, политике и (совсем немножко) о любви. А еще о том, что каждому из нас однажды придется прыгнуть выше головы. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-1037-3

© Ставрогина Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

*«И свет во тьме светит, и тьма не обьяла его»
– Ев. от Иоанна. Гл.1,ст.5*

Глава первая Туманный Альбион

«When you and I were at the cemetery last time, I felt it absolutely piercingly and clearly: you know it all, you know what happens after death – you know it so simply and calmly – as a bird knows that, fluttering from a branch, it will fly and not fall down... We are so special»¹

В наш век ночь никогда не наступает. Люди давно победили свой главный страх – страх темноты. Мы уже не знаем, как на самом деле выглядит настоящая тьма. И сколько бы мы ни гляделись в эту сумрачную пустоту – нам никогда не утонуть в ее глубине.

Вот и сейчас, подойдя в ночи к своему рабочему столу, заставленному фотографиями в фигурных рамках и прочими безделушками, собирающими пыль, но доставляющими какое-то садистское эстетическое удовольствие, Мария Сергеевна Агафонова включила старый французский светильник с абажуром и комната тут же залилась тусклым светом. Ей не спалось. Расчесав свои густые длинные волосы, она повернулась и посмотрела на сладко спящего мужа. «Ох уж эти англичане!» – подумала она про себя, рассмотрев в полутьме его идеальную прическу, ничуть не помявшуюся во время сна, и улыбнулась. Одной этой улыбкой всегда было достаточно для того, чтобы свести с ума любого мужчину, и вся прелесть была в том, что сама Мари об этом даже не подозревала. Возможно, поэтому каждое ее движение, каждый взгляд казались такими притягательными – они были до смешного просты. Мари была одной из тех девушек, которые никогда не следят излишне за своей походкой или манерами, но у которых они выходят безупречными сами по себе. Она на цыпочках, как лисица, подошла к той стороне кровати, где посапывал Эл, склонилась над ним и чмокнула в гладкую мягкую щеку.

Еще не могла она до конца поверить своему счастью, и то, что случилось в России, долго не выходило у нее из памяти. Хотя Мари пришла к выводу, что все это было огромным опытом, без которого, возможно, еще большее счастье семейной жизни никогда бы ей не открылось. Подумав о таком неблагоприятном варианте своей судьбы, Мари нахмурилась и быстро отогнала от себя бестолковые мысли. Она подошла к окну и, отодвинув невесомую розовую штору, выглянула на улицу. Предрассветный Бристоль встретил ее приятным прохладным ветерком. Он нежно притрагивался к огненно-желтым гладиолусам – Машинной гордости – на дворовой лужайке, и их цветочные головки склонялись на бок, будто танцуя под неслышную музыку. Сон совсем не шел. Мари вышла на террасу. На противоположной улице растянулись заблокированные по парам аккуратные разноцветные кирпичные домики. Англичане называют их «semi-detached», то есть «присоединенные друг к другу». Маше доставляло горделивую радость, что они с Элом живут без соседей, в отдельном просторном доме и каждое утро она может выходить в собственный уютный дворик, пить чай и дышать влажным юго-западным воздухом Британии. По всему периметру участка мирно спали кусты белых роз. Пора их цвета уже прошла, и лепестки цветов потихоньку начинали опадать, образуя на траве шелковую белую дорожку. Мари присела за столик и улыбнулась. Белые кустовые розы – почему их так недооценивают? Огромные цветки с длинными ножками и толстыми шипами, которые так любят выращивать садоводы на продажу, никогда не нравились Маше. А в этих маленьких белоснежных бутонках таится какая-то особенная прелесть и настоящая природная, но благородная дикость. Они

¹ Набоков Владимир Владимирович (1899-1977гг.)/ «Письма к Вере»: Когда мы с тобой последний раз были на кладбище, я так пронзительно и ясно почувствовал: ты все знаешь, ты знаешь, что будет после смерти, – знаешь совсем просто и покойно, – как знает птица, что, спорхнув с ветки, она полетит, не упадет... Мы с тобой совсем особенные.

будто так и шепчут: режь нас, заворачивай в пленку или газету, а мы все равно свободны, и никогда тебе нас не приручить!

Мария Сергеевна Агафонова приехала в дождливую Англию около трех лет назад. Тогда ей исполнилось двадцать пять лет, а жизнь, казалось, уже рассыпалась, как догоревшая спичка. Сейчас она чувствовала в себе столько сил и энергии, словно вернулась в годы беззаботной юности. С мужем Элиотом они познакомились в далекой Ирландии – там Мари снимала небольшие апартаменты под Белфастом. Поначалу ей было очень тяжело адаптироваться в новом климате и среди новых людей, но безупречная выдержанность, воспитанность и даже некоторый снобизм местных окончательно растопил ее заледеневшее сердце. Непонятным образом отличительные особенности английской нации, которые так раздражают иностранцев, тронули ее до глубины души. К ее собственному удивлению оказалось, что она и сама такая же, как они: закрытая, отстраненная, гордая, с горячим непреклонным характером и внутренней силой. Ей требовалось так же много личного пространства, и как она была поражена тому, что никто без ее согласия не пытался его нарушить! Работать она устроилась в издательство русского заграничного журнала и общалась с такими же мигрантами, как она сама. Мари это было по сердцу: забыть родной язык, совсем потерять связь с родиной – нет, этого она бы не выдержала.

Элиот О'Рейли был уроженцем «угольного острова» Колайленда. В его жилах текла чистая ирландская кровь, глубокие синие глаза смотрели прямо и уверенно, копна темных волос завитками спускалась к аккуратным ушам. Его строгие, четко очерченные губы часто улыбались самой добродушной улыбкой, хотя, взглянув на него, никто бы никогда не подумал, что этот человек вообще умеет улыбаться. О'Рейли был племянником старушки Эрин, в доме которой Мари снимала верхний этаж: спальню с ванной комнатой. Это могла бы быть довольно банальная история о жизни обычной красивой русской девушки за границей, если бы Маша была обычной. Получив жестокий урок на родине, она смогла набраться достаточного опыта, чтобы больше не повторять своих ошибок. И в Англии она искала чего угодно, но точно не мужа или семью. Поэтому, когда к хозяйке приехал погостить родственник, Мари даже не спустилась вниз поздороваться. Меньше всего ей хотелось показаться очередной девочкой на выданье. Однако совершенно спрятаться ей не удалось.

С приездом Элиота весь дом будто перевернулся. Старушка Эрин бегала по кухне, как ужаленная, все пытаясь угодить своему городскому племяннику. Мари случайно столкнулась с Элиотом на лестнице, когда тот выходил из ванной, и от неожиданности у нее вырвался какой-то сдавленный писк. Эл засмеялся, показав ряд ровных зубов. Эту свою первую встречу они потом вспоминали с улыбкой: он, прикрытый лишь одним тетушкиным махровым полотенцем, она – в дурацкой плюшевой пижаме с медведями. Человеку со стороны сразу бы подумалось, что из этих чудаков вышла бы идеальная парочка. Однако Мари вовсе не думала в таком ключе. Она лишь остроумно отшутилась, нарочито официально пожала ему руку (при этом Эл едва не уронил полотенце) и упорхнула в свою комнату. Тетушка Эрин была очень прозорлива и внимательная к тем, кто ей дорог, а потому не могла не заметить спустя пару месяцев, как изворотливо увивается ее родственник за Мари.

А увиваться ему предстояло долго и настойчиво. Никакие цветочки и конфетки не могли сломить твердую Машину отрешенность от всего любовного. Тем не менее, она всегда с очаровательной улыбкой на румянном лице разглядывала то оставленный на пороге букетик, то загадочную открыточку с еще более загадочным посланием. Долгое время она делала вид, будто ничего не замечает, надеясь, что через недельку-другую Элиот наконец уедет, так и не растревожив того кокона, в который закуталась Мари, держась со всеми прохладно и неприступно. Ее трезвая голова отказывалась прислушиваться к сердцу, которое ускоряло свой бег всякий раз, когда она провожала глазами стройный силуэт черноволосого Эла. «Этого нельзя, молчи! Только молчи!» – прямо-таки приказывала она сама себе, как только с языка ее хотела

сорваться какая-либо неоднозначная реплика в его сторону. Тетушка Эрин держалась настоящей аристократкой: то есть беспощадно подглядывала украдкой за парочкой, когда они по воле случая оказывались вдвоем на лавочке в дворовом садике или в доме, но ни разу ничего не высказала по этому поводу.

«Ellie, don't be such a disgrace for ya family!²» – частенько покрикивала Эрин на любимого племянника, когда ему случалось криво состричь траву у дома или опрокинуть таз с грязной дождевой водой на вымытый кухонный пол. Легкий ирландский акцент ее всегда забавлял Мари. Он очень шел добродушной Эрин и добавлял ей какого-то милого очарования. К тому же это нисколько не мешало им свободно понимать друг друга. Эрин была прекрасной и жизнерадостной женщиной с достаточно ядовитым чувством юмора. Все в этой английской старушке вызывало симпатию, каждому было о чем с ней побеседовать. На нижнем этаже, который занимала Эрин, почти всегда кто-то гостил. Порой она устраивала целые приемы, гостиная наполнилась народом – в основном такими же старушками и дедушками, жившими по соседству. «Oh, feel free to do anything you want, just don't bother my lovely Mariette!³» – каждый раз добродушно восклицала она, когда кто-либо из гостей чувствовал себя неловко.

Вообще и хозяйка, и ее квартирантка очень прикипели друг к другу. Многие вечера они проводили вместе за чаем, сидя у камина и беседуя обо всем на свете. Старушка Эрин очень любила слушать истории про Россию, литературу и кино. Да и сама она была замечательным рассказчиком. Эрин О'Рейли маленькой девочкой пережила войну, помнила сражения британских войск в Северной Африке против генерала Роммеля и восхищалась Черчиллем.

Тем временем без счета бежали дни, месяц сменялся месяцем, а Элиот словно и не планировал никуда уезжать. Много позже он признался тетушке, что ни за что не уехал бы без Мари. «Пусть по крови она русская, – говорил он. – Но в душе настоящая ирландка. Неужели бывает так, что рождаешься не в той эпохе или не в том государстве? Наверное, большое счастье все-таки обрести ментальную родину, да?» Он, уроженец Британских островов до мозга костей, говорил это, даже не подозревая, какому бесчисленному множеству русских людей посчастливилось родиться не в той стране.

– Что случилось с тобой в России? – однажды спросил он Мари, когда они прогуливались у небольшого дикого озера. Таких озер в этой местности встречается очень много, и все они прячутся за высокой травой на зеленеющих полях. Такой водоем можно заметить, только подойдя почти вплотную к его берегу.

– Знаешь, один близкий человек сказал мне, что боль, о которой ты слишком часто рассказываешь всем подряд, никогда не проходит. Прежде нужно позволить ране затянуться, а не беречь ее, иначе останутся уродливые рубцы, которые в будущем не сгладят никакие радости. Я обязательно все расскажу тебе, когда пойму, что больше не болит.

– Да, моя русская принцесса, – ответил он, улыбнувшись.

Сначала ее немного сбивал с толку его жуткий ирландский акцент. «Слава богу, хотя бы не шотландец!» – порой смеялась она. И хотя языковой барьер вовсе не был ее основной проблемой, некоторые специфические наречия ей все же не удавалось постичь. «Never mind, hon⁴» – только и говорил Элиот, когда новое ирландское словечко ставило Мари в тупик.

Прошло еще три месяца, в сухом воздухе залетали снежинки, и вскоре толстая шуба снега покрыла весь их тихий городок. К большому удивлению Мари, Элиот проявлял недюжинную упертость и продолжал терпеливо ждать ее расположения. После неудачного сражения началась осада – он планировал брать Мари измором. За время пребывания у тети он пару раз ездил в Белфаст по рабочим делам, а остальные месяцы помогал Эрин с домом. Этому гостеприим-

² Элли, не позорь свою семью! (англ.)

³ О, чувствуйте себя как дома, только не беспокойте мою Мариетт! (англ.)

⁴ Не бери в голову, милая (англ.)

ному большому жилищу давно требовался основательный косметический ремонт, а потому строительная суматоха затянула ее племянника с головой. Впрочем, он нисколько не возражал. Эл был мастером на все руки, особенно хорошо он справлялся с мелкими деталями: собственноручно собирал и разбираал до мельчайших винтиков часы, любил возиться с украшениями и камнями. На год знакомства он смастерил Маше подвеску из сплава разных металлов на серебряной цепочке. Тончайшей металлической проволокой вывел ее имя – Marie. Никак иначе он ее не называл, такая вариация имени возлюбленной нравилась ему больше всего.

Через полгода они вместе переехали в Бристоль, а еще спустя год сыграли свадьбу. Крепость пала, освободив самую прекрасную из принцесс и усадив ее на английский трон.

* * *

Мари тихим шагом зашла обратно в дом. Уже совсем рассвело, и всю кухню залило бронзой. Поставив чайник, девушка прошла в свой кабинет, служивший ей одновременно и комнатой отдыха. Это была небольшая коморка со скошенным потолком; белые стены делали ее визуально просторнее, прямо под окном вальяжно располагался плюшевый розовый диванчик. Маша любила сесть на него, положить ноги на подоконник и свесить их на улицу.

Подойдя к белому столику со стеклянной столешницей, она выдвинула самый верхний маленький ящик. Там аккуратными стопочками лежали всякие бумажные конверты, скрепки и стикеры. Среди всего прочего в самом углу была всунута сложенная вдвое измятая бумажка. Мари ни разу, уехав из дома, не развернула ее и даже не притронулась к ней, будто она была ядовита, однако зачем-то таскала эту макулатуру с собой, когда переезжала из квартиры в квартиру, из дома в дом. Теперь она аккуратно достала ее и приложила к щеке. Кажется, боль наконец-то прошла, и Маша позволила себе разбудить свои воспоминания, и они неудержимым потоком хлынули из недр ее подсознания, накрыв ее с головой.

Глава вторая

Лузов

*«Солнце!
Отец мой!
Сжалься хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дальней.
Это душа моя
клочьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!»⁵*

Роману Борисовичу было почти двадцать шесть лет, когда произошла эта история. В один из холодных понедельников, какими они обычно бывают, он стоял на крыше старой девятиэтажной облезлой хрущевки и безразлично глядел вниз, выжидая, когда пространство перед подъездом наконец станет свободным от входящих и выходящих людей. Во рту стояла неприятная горечь, бешено билось сердце, но он и не пытался его успокоить. В его больной, уставшей голове вертелось: «Неужели это все, что Ты приготовил мне – пополнить список слабейших?» Как ни странно, ему будто нравилось осознавать собственное несчастье. Стоя на краю, он упивался своими обидами и сожалениями о напрасно прожитой жизни, зарывал себя в них, как в песок, не желая прерывать акт самокопания. За несколько минут он успел обдумать все, что уже было безвозвратно потеряно. Да, ушло все, не осталось ничего, кроме непрощенных обид, невысказанных жалоб и упущенных возможностей. Весь мир теперь был у него под ногами, и он впервые поднял глаза к небу. «Это хорошо, что под вечер людей становится меньше, – думалось ему. – Не будет лишних проблем. О чем еще мне нужно вспомнить? Ну и бредятина! Умирая, не знаю, о чем подумать! Солнце садится... а луну я уже не увижу. Мой бой окончен, я выдохся, как старая костлявая собака. Помнишь, друг, я обещал, что мы встретимся совсем скоро? Я уже иду. Жизнь есть движение, и если двигаться – то только на один шаг вперед». Он попытался представить смерть, вспомнить ее такой, какой видел когда-то, и впустить ее внутрь. Вдруг его белое лицо болезненно скорчилось.

Вспомнил! Он, совсем осwirепевший от своих мыслей, вдруг вспомнил Машу, и сердце его заныло с новой силой. Заслезившиеся от ветра глаза запылали огнем, а огонь никогда не предвещает ничего хорошего: либо сожжет изнутри, либо опалит всех вокруг. Лузов помнил каждую черточку, каждую деталь, помнил даже маленький, еле заметный шрамик на её переносице. «Господи, да дай ты мне хоть сейчас об этом забыть!» – взмолился он, закрывая глаза ладонями, будто бы в них было все дело. Проблема его заключалась в том, что он не умел забывать. Ему нужно было взвалить на кого-то вину – и он приписал её всем: Маше, своим жадным глазам, Богу. Но только не себе. «Разве я виноват, что никто вокруг не принимает моих странностей, которыми я награжден с рождения?» – твердил он, так постоянно и убегая от осознания собственной неправоты. Нервно задергался уголок его губ.

* * *

Закончив государственный гуманитарный университет по профилю журналистики, Лузов так и не научился общаться с людьми и делал это всегда из-под палки: если очень уж надо

⁵ Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930 гг.)/ «Немного слов обо мне самом»

или если заставят. Одногоруппники считали его странным и предпочитали с ним не общаться, а те, кто решался, в конце концов признавали свою ошибку: его сбивчивая, а зачастую и высокомерная манера речи отпугивала их, как и незаурядные умственные способности, во много раз превосходившие их собственные. Уже в юности Лузов презирал пустословие: говорил он лишь о вещах, казавшихся ему важными. Девушки влюблялись в него, но он сразу давал им понять, что делать этого не стоит. Он вообще был очень разборчив в отношениях с противоположным полом – идеалист и романтик. Все его романы заканчивались слишком скоро, оставляя его то с неоправданными ожиданиями, то с разочарованием. Быстро находя замену ушедшей девушке, Лузов не переставая сравнивал одну с другой, а потом всех их вместе взятых. Его ровесники не могли понять, что привлекало красавиц в этом заике и идиоте, каким он казался со стороны. Секрет его был в прекрасном воспитании и галантности – эти качества очень редки в наше время. Что бы ни происходило между ним и его партнершей, он всегда относился к ней уважительно и не позволял себе никаких колкостей, а тем более унижений. Уже гораздо позже Лузов нашел свой идеал – женщину, которую полюбил так, как не мог полюбить никого другого. Позже изменились и его манеры.

В журналистике же ему больше всего нравился метод наблюдения. Он любил изучать людей и окружающие предметы, иногда смущая своим пристальным взглядом сами объекты исследования. Однако никогда не писал об этом, не делился опытом, да и вообще предпочитал с газетами не работать. Но кое-какие ассоциации, связанные с наблюдениями, всё же навсегда отпечатались у него на обратной стороне мозга. Он знал, например, что запах скошенной травы напоминает запах арбуза. Гуляя по центру, он частенько садился на стриженный газон и наслаждался воспоминаниями из детства: там, далеко в прошлом, мама всегда приносила домой огромный арбуз в середине августа – единственная причина, по которой маленький Рома ждал лета. Единственная, потому что любимым его временем года все-таки была осень.

Последние три года превратили его в совсем другого человека, на которого раньше сам Лузов посмотрел бы недоверчиво и скептически. Время сделало с ним что-то невообразимое, перевернуло все его взгляды и заставило поставить под сомнение даже устоявшиеся законы природы. Он мог часами восхвалять метафоричность придуманных им образов, а потом с тем же рвением поносить их последними словами. Как любой творец, он стремился к самовыражению, а потом зарывался головой в песок, боясь столкнуться с несовершенством своего творчества. Он хотел воспеть торжество жизни, но она разочаровала его, и он понял, что истинна одна лишь смерть.

И вот теперь он стоит на краю, и все, что ему осталось, – это последний прыжок, после которого весь мир погрузится во мглу и невесомую пустоту.

* * *

В его жизни было две женщины, не считая матери и сестры, которые имели на него самое сильное влияние – Мари и Вера. Под их невидимым воздействием он сжимался, как пластилин, принимая то одну форму, то другую. Любому мужчине это показалось бы унижительным, но было в Лузове что-то такое, что при всем этом не лишало его самобытности и уникальной индивидуальности. От рождения он был достаточно мягок и скромен, ко всем относился с почтением, но без заискивания; чужая гордость вызывала в нем восхищение, а неуверенность – жалость. Казалось, в нем не было никакого стержня. Убери из-под него опору – и он тут же развалится. Однако это было самое горькое всеобщее заблуждение. Никто на всем свете не мог диктовать ему, что делать, и Лузов всегда четко отслеживал грань между компромиссной благосклонностью и танцами под чужую дудку. Вера этой черты сознательно не пересекала, а вот Мари – неосознанно всеми силами пыталась ее стереть.

Куда бы он ни шел, что бы ни делал, что-то сталкивало его с Верой и постоянно напоминало о ней. Они были связаны неразрывно. Она знала об этом, а он и не догадывался. Даже самая маленькая мысль, фантазия Лузова о ней была бы бесконечно приятна Вере. Но она знала, что её возлюбленный не готов ответить ей взаимностью, поэтому ждала. Ждала так долго, что все чувства смешались у нее в голове, превратившись в один липкий, вязкий комок. Порой недели летели одна за другой, и Вера не успевала заметить, где кончается одна и начинается следующая, а иногда день тянулся, как год, делая её одинокое существование невыносимым. Жила она со своей пятилетней дочерью Катей, красивой темноволосой девочкой, которой и отдавала всю свою нерастраченную и никому не нужную любовь. Лузов время от времени заезжал к ним в гости, каждый раз поражаясь порядку и чистоте, царившим в этом маленьком, но уютном доме. Он хотел бы возвращаться сюда снова и снова, но ему было слишком тяжело ловить на себе влюбленный взгляд Веры Николаевны, поэтому зачастую Лузов давил в себе желание повидаться с ней. Скорее всего, он попросту боялся этой женщины, рядом с ней он чувствовал себя некомфортно (во всяком случае, ему так казалось), будто бы должным или чем-то обязанным, хотя она не давала ни малейшего повода так думать. Несмотря на то, что Вера никогда ничего от него не требовала и даже не говорила о своих чувствах, он все понял еще год назад. Знакомство их произошло в университете Лузова, где работал и тогдашний супруг Веры, скончавшийся в автокатастрофе незадолго до рождения дочери. Она заходила в деканат забрать кое-какие документы и там встретила Романа Борисовича, аспиранта кафедры литературной критики, который – в своем стиле – яростно спорил с другим аспирантом. Он аж покраснел от удовольствия, когда оппонент его ретировался, признав поражение. Вера наблюдала за этой сценой, иронично косясь то на одного, то на другого, и посмеивалась. Лузов смутился, когда увидел ее в кабинете, и сконфуженно поздоровался. А узнав о том, что она вдова самого Смольного, профессора филологии, и вовсе не смог сдержаться:

– Прекраснейший преподаватель! – воскликнул он, заикаясь. – Соболезную вам. Что принято говорить в таких случаях? – он слегка замялся. – У Бога на каждого свои планы? ... совсем не облегчает, но что *нам* еще остается? – криво улыбнулся Лузов. Глаза его не улыбались, а лишь тоскливо поблескивали.

Эти искренние слова действительно подбодрили Веру. Оставшись со своей маленькой дочерью, она носила в душе бесконечное одиночество и страх. Денег с натяжкой хватало только на пару лет. Не имея высшего образования, закончив лишь педагогический колледж, Вера Николаевна не знала, куда идти и у кого просить помощи. Лузов подвернулся очень вовремя: он был как раз из тех людей, которые могут, а главное, умеют поддержать в трудную минуту. Это качество, наверное, и привязало к нему Веру. Стоило Лузову удалиться – как шипы на ошейнике впивались в ее горло, а к глазам подступали слезы.

Лузов пристроил ее преподавателем дополнительного детского образования в колледж при университете – связи в научных и организационных кругах очень помогли ему в этом нелегком деле. Так, Вера потихоньку смогла встать на ноги, освоиться в своем горе и перестала бояться.

* * *

Уже много позже на этой самой кафедре к Лузову часто подбегали смелые студентки и закидывали местную достопримечательность всевозможными вопросами. Когда о таланте молодого гения шумит чуть ли не весь город, было бы странно не столкнуться с его почитателями. Поначалу такое внимание к его скромной персоне льстило Лузову. Он охотно рассказывал всем интересующимся о своей работе и даже давал целые интервью, однако достаточно скоро почувствовал, что выдохся.

Ему всегда хотелось смешаться с толпой, спрятаться, стать незаметным и неприглядным, но он на каком-то интуитивном уровне чувствовал и осознавал, что судьба приготовила ему сложнейшее испытание, совсем не под стать его мягкому характеру – испытание известностью. Говорят, нет такого препятствия, которое не мог бы пройти человек, на чьем пути оно встретилось. Но ведь, по существу, невозможно объективно оценить, насколько хорошо пройдено испытание и извлечен ли из него жизненный урок. Так и в этом случае: нельзя с точностью сказать, какого результата ждал от Романа Борисовича Господь Бог. Если Лузов должен был посерьезнеть, замкнуться в себе окончательно и обрести ту самую пресловутую грубую «мужественность» – то он выполнил план Божий просто блестяще. Но с другой стороны – он ведь уже стоит здесь, на крыше. Так неужели весь этот тернистый путь вел его сюда? Что ж, тогда можно было выбрать способ попроще.

* * *

Москву все еще держала своими цепкими ручищами холодная зима, когда незаметно забрезжило на горизонте весеннее солнце. Мороз, захвативший город, дождался до марта и все-таки сдался под натиском теплых ветров. В тот год Лузов занимался диссертацией на своей любимой кафедре. Упрямые солнечные лучи то отчаянно били ему в глаза, то прятались в тени пушистых облаков, будто заигрывая с ним. Кафедра была пуста, и Роман Борисович мог расслабиться и сидеть тут в свое удовольствие, ничего не делая. Научный стиль диссертации, который он ненавидел всеми фибрами души своей, вмиг перестал его заботить, когда он подумал о том, какое важное событие ему предстоит в этот вечер. Лузова буквально передернуло. И все же было в этом какое-то мазохистское удовольствие: он смаковал каждое свое дурное предчувствие, во всех красках представлял грядущее. Ему грезилась Маша. Ее чувственные глубоко-зеленые глаза, задиристо вздернутый носик – все это возбуждало в нем не вожделиние, а какое-то приятное томление, как у героев немецкого романтизма, о котором он писал научную работу. Романтический герой томится по бесконечно великому, стремится к чему-то неопределенному, жадно ищет и не находит. Лузов встал из-за стола и приоткрыл окно. Звуки улицы проникли в тихую аудиторию, и старые стены вдруг ожили.

На часах уже третий час – через два с половиной часа они с Мари встречаются в выставочном павильоне на Новослободской. Все ее знакомые нахваливают выставку японского художника Хакаси Мураками, а ему, Роме, вовсе нет никакого дела ни до модной галереи, ни до старика Мураками, ни до всех японцев вместе взятых. Хороший народ, трудолюбивый, но они – на другом конце света, а Маша – вот она, совсем рядом, просто протяни руку. Современное искусство, как оно ни старалось и ни лезло из кожи вон, так и не смогло понравиться Лузову. Не то чтобы он не понимал, что хотел донести тот или иной художник своей работой. Просто он знал способы куда более эффективные для выражения неуловимой человеческой мысли.

Итак, она будет ждать его там. И что дальше? Как сможет он начать этот нелегкий разговор впервые за все те годы, что они знакомы? В омут с головой никак нельзя, это только отпугнет ее, и тогда ни о каком расположении и мечтать не придется. В волнении Лузов поднес указательный палец к подбородку. Как же медленно идет время! Двигается, как старая кляча, со скрипом, притворяясь, что устало бежать, и угрожая, что вот-вот остановится совсем. Но ему никогда не остановиться, никогда не замедлить свой бег, и вредничает оно только в больной голове самого Лузова.

Мучительно и трудно было пережить эти два часа. Но они прошли, как проходит все в мире – словно песок просачивается сквозь пальцы, а нам и в голову не приходит, что самые утомительные несколько часов из пережитых нами могли бы стать вместо этого самыми счастливыми в нашей жизни. Лузова охватил нервный мандраж, когда он подал Мари согнутую в локте руку, и она благосклонно просунула под нее свою тонкую кисть. Она была одета в шел-

ковое желтое платье в мелкий горошек, сверху небрежно была накинута шубка, а на ногах – осенние грубые ботфорты. Хотя зимний холод уже проигрывал ежегодную битву, ногам все еще было зябко. Светлые глаза ее улыбались из-под пушистых изогнутых ресниц, густо накрашенных тушью.

Купив билеты, они двинулись в глубь выставочного зала – туда, откуда начинался просмотр. Мари в предвкушении болтала головой туда-сюда, осматривая подвешенные на стенах картины. Однако стоило ей присмотреться к экспонатам как следует, и тут же улыбка слетела с ее лица. Кругом висели полотна с какой-то шедевральной мазней. Лузов едва сдерживался, чтобы не засмеяться. На одной картине была изображена кривая синяя окружность с громким названием «Одиночество». В другом конце располагалась скульптура из папье-маше. Это было похоже на какой-то коричневый столб, или на толстую палку, воткнутую в землю, или еще бог знает на что, но по замыслу автора это была «струя дыма». К экспонату подошла серьезная женщина в очках и коктейльном платье и стала внимательно всматриваться в стоящую перед ней палку. Потом она, сохраняя важный вид, прочла название и многозначительно хмыкнула. Тут Лузов не выдержал и неприлично громко расхохотался. Женщина недовольно посмотрела на него, затем на Машу и, причмокнув, удалилась в другой зал.

– Никогда не слышала про такого художника, хотя в Японии, говорят, он безумно популярен, прямо как Бенкси, – сказала Мари, желая, по-видимому, разрядить атмосферу.

– Я вообще знаю только одного Мураками, – смеясь, сказал Лузов. – Того, который писатель.

Они переходили из одного в зала в другой – всего их было пять – и диву давались, насколько продуктивен этот японец и как мастерски он штампует все эти картины, будто у него во владении есть собственный завод. Больше всего их поразила такая инсталляция: огромная пластмассовая ромашка, около метра в высоту, и в центре ее желтой сердцевины – маленький белый унитаз. На табличке было написано: «Спущенная молодость, 2016г.». Озадаченные ребята единогласно решили, что это просто слишком высокое искусство, чтобы суметь постичь его трезвым умом.

– Боже мой... – задумчиво произнесла Маша, когда они вышли из выставочного зала. – Ну и пошлость!

Лузов удивленно посмотрел на свою спутницу и вдруг брызнул смехом. Он ожидал, что Мари, поддавшись влиянию своих высококультурных друзей, будет через силу восхищаться и давить улыбку. Но она никогда не изменяла своей искренности, и ничье мнение не могло повлиять на нее сильнее ее собственного. Мари тоже засмеялась в ответ и подняла на него свои веселые блестящие глаза. И только ее губы хотели произнести привычное «ну пока, Рома!», как Лузов вдруг судорожно сжал ее ладонь. Мари опешила и слегка отстранилась.

– Марья Сергеевна! – в какой-то горячке вскрикнул Лузов. – Ты должна знать... то есть, я хотел сказать, что хочу дать тебе знать... – он сделал паузу, чтобы не начать заикаться, сглотнул горькую слюну и, взволнованный только больше прежнего, продолжил: – Да ты уже наверняка и сама догадалась, я по глазам твоим вижу. Какие же у тебя зеленые глаза! замечала, что они меняют цвет от серого до темно-зеленого? Что я несу, конечно же, замечала... Они совсем не умеют обманывать, твои глаза. С другой стороны, зачем девушке взгляд, который умеет лгать? Вы лжете словами, и если б не было честных глаз, как бы мы вообще могли понять правду? Так бы и водили нас за нос, – Лузов нервно усмехнулся. Маша тоже улыбнулась уголком губ. – Счастье в правде. Не во всей, конечно, но... я хочу открыть тебе правду, это сделает меня счастливее. Маша, я тебя люблю. Давно, очень давно, еще с тех пор, как был совсем мальчиком. Мне даже кажется, что я полюбил тебя, как только ты вошла к нам в класс. Помнишь этот день? Помнишь? – Мари кивнула. Комок подступил к ее горлу, она боялась заплакать, поэтому смолчала. – Я сразу подумал: вот это глаза! какие огромные, какие грустные и спокойные! Совсем не похоже на твой характер, я это понял позже, – он сбился и перевел дух. – И

я хочу сделать тебе предложение. Не принимай его в штыки слишком скоро – над этим стоит подумать. У меня есть стабильная работа (хотя всей душой я ненавижу свои гадкие статейки, но величия это мне, конечно, не делает). А завтра я еду в ваше издательство. Так что у меня большие планы, Мари... Я бы и мечтать не мог о такой девушке, как ты, но поверь, я буду боготворить тебя, на руках носить, лишь бы твои ножки всегда оставались чистыми... Каждую морщинку, ресничку твою любить буду... Ты только обязательно подумай, и подумай хорошо. Силой я тебя брать не собираюсь (даже если бы и хотел!), я не тиран. Хотя в наше время всем только деспоты и нравятся. Вот стою перед тобой такой, как есть, и весь – для тебя. Это я и хотел сказать. Ты должна знать.

Резко выдохнув и оттянув вниз сморщившийся край своего свитера, Лузов с надеждой посмотрел на стоящую перед ним девушку. Губы её слегка дрогнули и растянулись в ласковой дружеской улыбке. Эту улыбку он знал с детства, и за годы она совсем не изменилась.

– Рома, что за пафос? – спросила она. Голос ее удивлялся, а глаза говорили, что она нисколько не удивлена. Его пылкие слова растрогали ее – только и всего. – Долго ты речь готовил?

Лузов понял, что его пламенный рыцарский порыв не произвел должного впечатления, и потушил взгляд. Маша тут же заметила его смущение.

– Значит, ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж? – надменно взмахнув головой, произнесла она.

– Хоть бы и так, – отозвался Лузов.

– Недурно. Но подумай, Роман Борисович, мы ведь знаем друг друга еще со школы. И я всегда, всегда – обещаю! – буду относиться к тебе так же нежно, как и много лет назад. Ты мне все равно что брат, понимаешь? Я не смогу видеть в тебе мужа или любовника, как бы ни старалась.

И, то ли от неловкости, то ли от неожиданности, она засмеялась. Её небрежный, нахальный смех барабанной дробью забился в ушах Лузова. Эта нехитрая насмешка кольнула его в самое сердце и засела в нем, как заноза.

– Ты сможешь полюбить меня, – робея, произнес он.

– Нет, нет, прости, это невозможно, – отрезала Маша, вдруг почувствовав себя виноватой. Этого чувства она боялась больше всего на свете и всегда бежала от него. – Наш женский мозг отравлен литературой и кинематографом, где любые отношения – это индивидуальная трагедия. Нам не хочется того, что само идет в руки, нам необходимо страдать от любви.

Она произнесла это с легкостью, не принимая всерьез, и не могла даже предположить, каким адом обернутся для нее эти слова.

– Тогда оставим, – буркнул Роман Борисович и быстро скрылся в дверях павильона. Маша с нежностью посмотрела ему в след. «Какой же он чудной» – произнесла она про себя. – «И ведь вполне искренне. Но не было и щелчка в голове, даже рука не дрогнула». Она ждала, что что-то обязательно екнет, щелкнет, крикнет внутри, предвещая настоящую любовь. В свои двадцать четыре года она и не задумывалась о замужестве, оно было ей попросту неинтересно. Только Лузов об этом не знал. Он копался лишь в себе одном, ковыряя свое нутро тупой пластиковой ложечкой – так гадко и тягуче было его состояние.

Глава третья В издательстве

«Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь»⁶

На следующий день Лузов действительно отправился в издательство. С самого пробуждения ходил он по дому, еле передвигая ватные ноги, как старик. Дело нешуточное: фактически встал перед ним вопрос мечты всей его жизни. Ему никогда не было достаточно просто читать литературу и изучать ее. Он хотел создавать литературу, хотел быть ее частью, подобно тому, как каждый из нас хотел бы быть причастен к чему-то великому. Лузов был одержим своей мечтой, как наркотиком, а желание творить порой доходило в нем до страсти.

И вчера эта встреча с Машей казалась ему кошмаром наяву? О нет, настоящий ужас подстерегал его сегодня. Голова раздулась от мельтешащих мыслей и сомнений, по телу пробежала нервная дрожь. Лузов прекрасно знал, что в издательстве никто его не ждет и никому он там, честно говоря, не сдался. Значит, придется навязываться? Писателю – навязывать свое творчество! Никогда не мог он даже подумать о такой безумной затее. Но делать нечего, решение принято, он готов к любой критике. Тем более, утешал себя он, там будет Мари. Уж она-то не даст его в обиду!

Маша работала в крупнейшем издательском доме «Свободное слово» около года, и ей выпала необычайно выгодная возможность ассистировать самой Светлане Родионовне Плutowой – матери-героине в литературных кругах. Эта женщина прошла огромный путь и на закате своих зрелых лет основала собственную редакцию. Не исключено, что на этом поприще ей пришлось идти по головам. Нельзя винить ее, в этом мире все по заветам эволюции: более сильная особь перегрызает горло слабейшей и медленно, но верно подбирается к вершине пищевой цепи.

Мария Агафонова, филолог по образованию, со школы мечтала работать в редакции, выпускать книги, каждый раз наслаждаясь запахом типографской бумаги. Она вовсе не обладала такой же хищной острой хваткой, как ее начальница, зато была организованным и старательным. Собственно, она и посоветовала Лузову, причем очень настоятельно, отправить свои работы Плutowой. Конечно, никаких гарантий в таком деле дать нельзя, но это все же лучше, чем писать прекрасные вещи, возможно, будущие шедевры, «в стол». Маша сама подсуежилась и уговорила Светлану Родионовну пригласить Романа Борисовича на ближайший ужин, который устраивала редакция. На это важное мероприятие были приглашены многие именитые авторы Москвы: Регина Донская, Марина Ветелицкая и даже сам Владислав Полонин. У Лузова глаза на лоб полезли, когда он узнал, какого уровня гости будут на этом званом ужине, даже несмотря на то, что ни одного из этих писателей он не любил.

– Ты один из немногих в нашем поколении, кто талантлив и имеет хоть какие-то амбиции! – говорила ему Маша, и от ее комплиментов Роман расплывался, как желе на солнце. И все же долго не мог он решиться на этот шаг – собственноручно отдать свою многолетнюю работу на суд, да еще и в присутствии любимой девушки! Он думал, что сойдет с ума, умрет, вращет в землю, если работу, которой он отдал всю свою душу, обольют грязью.

Но вот настал день X, а Лузов так и не умер и не сошел с ума. Он бодрым шагом топал по весенней московской слякоти к метро. До дрожи в коленях боясь опозориться перед Машей,

⁶ Пастернак Борис Леонидович (1890-1960гг)/ «Доктор Живаго»

Роман Борисович решил взять в кортеж свою вечную спутницу – Веру. И вот они уже вместе шлепали по грязи в самом сердце города.

* * *

В просторной комнате для приемов было накурено. Завеса дыма стояла в дверях, преграждая путь всякому входящему. Лузов набрал полные легкие отравленного воздуха и едва не закашлялся. Вера посмеялась и первая шагнула в приемную. Это было красивое помещение в стиле 70-х, над которым явно работал дизайнер с громким именем. Стилизация выглядела потрясающе: одна стена, в которую упирался темный дубовый стол, была испещрена трехцветными ромбиками; три другие – горели алым. Стол окружало с десяток желтых кресел на колесиках с изогнутыми спинками и подлокотниками. От дальнего угла к двери протянулся стеклянный книжный шкаф.

Заметив Рому, Маша встала из-за стола и подлетела к нему. Она встретила взглядом с Верой и, обдав ее надменным холодом, пригласила присоединиться к обеду. Многочисленные гости уже сидели за столом и поедали закуски. Было предложено несколько видов вин, и это был единственный алкоголь, разрешенный к употреблению в любых количествах. Во главе стола, тоненькая, как статуэтка, сидела женщина лет пятидесяти пяти в очках. Это оказалась Светлана Родионовна Плутова – руководитель издательства, первый человек в этом цветном литературном мире. Мари с гордостью представила ей Лузова, умолчав о его прекрасной спутнице, и усадила его поближе к Плутовой. Роман Борисович молчаливо поздоровался со всеми гостями, неуклюже уселся в кресло, а Вера, волнуясь, проговорила:

– Для нас большая честь сидеть в кругу таких людей. Поверить не могу, я даже и не мечтала о таком!

– Этим и хороша наша работа, – улыбнувшись, отозвалась Плутова. – Я могла бы исполнить любую мечту творческого человека, стоит лишь подписать пару каких-то бумажек!

– Не всем мечтам суждено сбываться, – вдруг произнес доселе молчавший Лузов. Маша бросила на него косой взгляд, а Светлана Родионовна раздраженно причмокнула и ударила ножом по тарелке, чуть не разбив её.

– Этот человек пришел разрушать мои планы? – воскликнула она и искусственно засмеялась. Она вообще вся была какая-то искусственная: её движения более походили на движения пластмассовой куклы, чем живого человека, а перетянутое операциями лицо потеряло способность изображать полный спектр эмоций. Многие презрительно ухмылялись, упоминая её в разговоре. И почти все люди, собравшиеся здесь, делали это. Светлана Родионовна обладала талантом приглашать в свой дом тех, кто ненавидит её и смеется над ней.

– Нет, боже упаси, – виновато проговорил Лузов, уставившись в свою пустую тарелку. – Излишний юношеский реализм.

– Юность! – еще громче взвизгнула Плутова. – Именно в детстве и юности и зарождаются самые великие мечты и цели, которые обязательно достигаются в будущем!

– А кто из нас не хотел стать космонавтом? – грустно улыбнулся Роман Борисович, обращаясь одновременно ко всем присутствующим, но больше к самому себе. За столом воцарилась тишина. Гости разом опустили глаза. Одна Светлана Родионовна, будто бы не поняв намека Лузова, вульгарно усмехнулась и положила в рот огромную креветку.

– Ну, расскажите нам, дорогой Лузов, о чем вы пишете, – обратился к нему мужчина в деловом костюме, сидевший рядом с Плутовой. Из его плешивой головы торчало несколько седых волосков, видимо, связывавших его с космосом, как антенны, а ворот рубашки, застегнутой до самой последней пуговицы, сдавливал толстую короткую шею.

– О человеке, – громко и уверенно ответил Роман Борисович. Где-то в конце стола раздался смешок.

– Это очень размытое понятие, друг мой, – деловито сказала Плутова, окидывая Лузова холодным взглядом. – Все вы, писатели, про людей пишете.

– Про людей – все, но не каждый – о человеке. В наше время личность никого не интересует, – возразил ей Роман Борисович. Снова послышался смех.

– Перескажи им сюжет, – шепнула ему на ухо Вера, но он отмахнулся от нее и раздраженно закатил глаза.

– Честно говоря, я бы хотел позиционировать свое произведение как форму нового жанра... – продолжал Роман Борисович.

– Какого еще нового жанра? – деловито спросила Плутова с какой-то ехидной насмешкой в голосе. Но Лузов не собирался сдаваться.

– Романа-рефлексии. Такого еще не было в литературе, – Роман Борисович осекся, – по край мере, в нашей, отечественной литературе. Это нечто вроде философской новеллы, но разница в том, что весь мир здесь показан сквозь призму восприятия единственного человека – главного героя, все его чувства, страхи, переживания предстают как на ладони, гипертрофируются, теряют свою натуральность. Потому что так нездорово воспринимает их персонаж...

Лузов даже перестал заикаться, настолько был увлечен. Он поднял глаза и посмотрел на Мари. В ее взгляде он прочел одобрение, и это несказанно его подбодрило.

– Что ж, идея действительно интересная, – тем же важным тоном проговорила Светлана Родионовна и сделала глоток вина. – Однако мне кажется, нашим читателям все эти новшества не нужны. Такие штучки прошли бы у Достоевского, но сейчас народ не так уж увлечен чтением, как в 19 веке, вы понимаете, о чем я, Роман Борисович? – и Плутова впиалась в него всеми своими четырьмя глазами, как будто пытаясь высосать из него ответ. Лузов молча кивнул.

– Но, может быть, вы прочтете хотя бы главу? – вдруг вступила в бой Вера. Лузова прямо перекосило. – Поверьте, эта вещь вас приятно удивит! Как удивила меня когда-то.

Плутова смерила ее холодным оценивающим взглядом.

– Милая, я несказанно рада, что вы тянетесь к искусству и любите читать произведения своих друзей, но вы ведь все-таки не литературовед, чтобы разбираться во всех жанровых тонкостях...

– Так ведь читатели тоже не сплошь литературоведы, а обычные люди... – смущенно произнесла Вера, но надменное выражение лица Светланы Родионовны не позволило ей закончить, и она совсем замкнулась в себе. Лузов сидел, сжав пальцы и стиснув зубы, он был почти вне себя от всего, что ему пришлось здесь услышать.

Ужин был закончен. Из всех присутствующих действительно ела одна Светлана Родионовна. Плешивый мужичок, который, как оказалось, был личным помощником Плутовой, за весь вечер проглотил только один маринованный помидор да выпил бокалов шесть вина. Лицо его порядком покраснелось, жирные черные брови расслабленно опустились ближе к глазам-бусинкам и почти закрыли их своей тенью. Маше кусок в горло не лез. Она сидела по левую руку от Светланы Родионовны и нервно елозила на стуле. Ей хотелось заступиться за друга, но в то же время она прекрасно понимала, что Плутова, хотя и выражалась подчас слишком грубо и высокомерно, отчасти была права. Она работала в издательстве почти полжизни, огромная редакция – плод ее усилий. Под закат своих лет она, возможно, немного выжила из ума, но расчетливое, коммерческое чутье ее не подводило. Агафонова видела, с какими злыми глазами сидел за столом Лузов, ей хотелось, чтобы его мучения скорее закончились, но она была бессильна среди этих литературных гигантов.

Наконец, протерев салфеткой уголок губ, Плутова призналась:

– На самом деле я ознакомилась с вашей работой, Роман Борисович, – Лузов так и подскочил на месте, испуганно уставившись на Светлану Родионовну. – И не могу не похвалить ваш язык. Дорогой мой, он просто превосходный! Но...

Это многозначительное и презрительное «но» как будто обухом ударило Лузова по голове. Он даже пропустил похвалу своего языка мимо ушей. Нижняя губа его чуть дрогнула, но он сохранял невозмутимость.

– Но мне думается, – продолжила Плутова, – Что сама идея и ее выражение слишком уж тенденциозны. Вы говорите, что мир крутится вокруг мыслей и великих переживаний главного героя, а я, тем не менее, не вижу здесь никаких мыслей, кроме ваших собственных. Не поймите меня неправильно, мой дорогой друг, – сказав это, она как-то странно подмигнула Полонину, который сидел, насупившись, в другом конце стола. – Конечно, все творчество должно быть выражением самого автора и его творческого кредо, и все-таки... я вижу слишком много автора и не вижу героя.

Лузову показалось, что он всем своим атрофированным телом врос в мягкую обивку кресла, холодные пальцы его скрючились под столом. Вера нервно и громко дышала, и он в который раз пожалел, что притащил ее с собой. Ему хотелось испариться, исчезнуть в воздухе, будто его тут никогда и не было. Но он продолжал сидеть и вежливо слушать все замечания присутствующих, лишь периодически встречаясь воспаленным взглядом с бегающими глазами Мари. Вдруг Плутова вздумала нанести ему коронный удар и с концами потопить корабль его уверенности. Она достала из портфеля несколько листов и пустила их по столу. Присутствующие, один за другим, пробегались по распечаткам. Кто-то едко усмехался, кто-то безмолвно поднимал брови или выпячивал губы.

– Это отрывок из произведения господина Лузова, – надменно-торжественно продекларировала Плутова, ноздри ее победоносно раздулись от резкого выдоха. Роман Борисович, весь бледный и обледеневший, следил за реакцией авторов и работников издательства. Вера ласково положила руку ему на колено, но он резко дернулся в сторону и нахмурился.

– Что ж, это действительно ново, – вдруг отозвался из небытия Полонин. – Очень даже свежо, в духе времени. Он может двигать современную литературу вперед, только бы внести некоторые стилистические поправки...

И тут Плутова беспардонно подняла ладонь вверх, прося его замолчать.

– Вы действительно так считаете? – спросила она, хитро прищуриваясь и заглядывая в его мрачные глаза. Полонин быстро отвел взгляд и замешкался.

– Ну, я бы сказал, что это как минимум интересно...

Холодного Лузова вдруг обдало жаром. Он понял, что все, кто сидел с ним за одним столом, не только в тайне презирали Плутову, но и по-заячьи боялись ее. И следом за жаром, словно таз с ледяной водой, обрушилось на него осознание, что сама Светлана Родионовна прекрасно это знает. Не в силах вынести ни секунды этой публичной пытки, он с грохотом вскочил из-за стола и выбежал из приемного кабинета редакции. Вера, тихо извинившись, тут же бросилась вслед за ним. Она нагнала его в холле и схватила за руку.

– Вера, хватит таскаться за мной! – вдруг закричал он, и испуганная девушка отшатнулась назад. Никогда прежде Лузов не повышал на нее голоса.

– Ты ведь сам позвал меня. Не нужно вести себя так, – принялась втолковывать она, будто общаясь с маленьким ребенком. – Эти люди могут помочь тебе в твоём деле, так что будь добр уважать их хотя бы ради судьбы твоего романа.

Глаза Лузова злобно сверкнули и быстро потухли, однако Вере удалось заметить, как в одну секунду изменилось его лицо.

– Как бы сильно я ни любил свою книгу, даже ради нее я не стану поддерживать их абсурдные, тупые разговоры ни о чём, а тем более пытаться этому сброду понравиться! Да я лучше сдохну!

Вера закрыла его рот руками, и в её взгляде выразился неподдельный ужас.

– Никогда, никогда не говори ничего подобного! – взволнованно произнесла она. Лузов резко одернул её руку.

– А ты заставь меня, – сквозь зубы проговорил он, смотря Вере в глаза. Та нервно обхватила руками живот, будто прячась от грозного пристального взгляда. Лузов цинично усмехнулся, дернулся вперед – отчего Вера чуть не испустила дух – сдержанно поцеловал её и попрощался.

Глава четвертая

Вера

*«Ты угадал: любовь моя такая,
Что даже ты не мог ее убить»⁷*

Из-за темного облака над зданием правительства Московской области уже вылупилась половина лунной скорлупки. Вера шла по мосту, отчаянно кутаясь в шарф, но ничто не спасало от ветра, дующего с реки. Ее душила обида, она чувствовала себя использованной. Она шла и думала: «Никогда в жизни больше с ним не заговорю! Пошел он к черту, этот психопат!» И нельзя осудить ее за лицемерие – она и вправду считала Лузова полупомешанным. Что-то выдавало в нем настоящего маньяка, и Вера, долго страдавшая паническими атаками, иногда всерьез его побаивалась. Его по-настоящему дьявольская красота превращалась в омерзительное уродство, как только в лице его изображалась горячая злоба. Такая метаморфоза холодила душу Веры и обезоруживала ее.

После смерти мужа она стала замечать за собой головокружения и приступы необоснованного страха. Часто случалось, что она просыпалась среди ночи от стойкого чувства близкой смерти. Она то и дело бегала в комнату своей дочки, чтобы убедиться, дышит ли та в своей кровати. Бывало даже, что страх смерти сковывал ее в общественном месте, и тогда она в ужасе убегала подальше от скопления людей, падала на землю и закрывала голову руками.

Страх неотступно преследовал ее от самого метро. Вера дышала часто, глотая обжигающе холодный воздух, порывистый ветер залетал в уши и колюче морозил их. Она дошла уже до середины, как вдруг зашло сердце. Обхватив металлическую палку перил, Вера медленно опустилась на мост. Люди теплыми сгустками проходили мимо, чувствовалось, как трясется под ними железная махина. Гулче звучали голоса, снег больно белел перед глазами. Кто-то остановился рядом и заговорил громко и взволнованно. Вера не могла посмотреть наверх и просто сидела, опьяненная своим страхом. Тогда человек бережно обхватил ее руку и, чуть помогая корпусом сзади, поднял Веру на ноги.

Его звали Артем Дягилев. Он был совершенно обычный, ничем не примечательный, без малейшей доли «цветущей сложности». Он был обычен до превосходности, непримечателен до величия. В таких мужчин никогда не влюбляются с первого взгляда, от них не теряют голову. Они просто есть, они незатейливы и легки на подъем – и в конечном счете они получают все самое лучшее, потому что умеют ждать.

Он подхватил Веру под руки, спрятал под огромную черную палатку своего плаща и повел ее, трясущуюся, домой. Когда Вера очутилась в постели, привычная домашняя сумрачность пахнула в лицо – она успокоилась. Свет потух, опустились, вздохнув тяжело, занавески на окнах. Не было больше страха, несчастья, соленые капли дождя, как слезы, стекали с крыш. И смерти тоже не было. Вере не нужен был этот выдуманный бог, не нужен был рассеивающийся перед глазами продырявленный пулями образ жертвенности, она сама была и богом, и жертвой.

* * *

Между тем приближался злополучный день середины марта. Иные раздраженно закатывали глаза и начинали махать руками, стоило кому-то заговорить о выборах, другие оживленно

⁷ Ахматова Анна Андреевна (1889-1966гг.)/ «А ты теперь тяжелый и унылый...»

включались в дискуссию. В университете Лузов не особо поддерживал эти разговоры с известными либералами, в плане политическом он взял на вооружение тактику Микояна и двигался «между струйками», чтобы не промокнуть. Хотя полностью избежать прений ему не удалось, и один профессор с кафедры сумел-таки подловить его на «политической мимикрии». Лузов лишь посмеялся и быстро забыл о нанесенном оскорблении.

– Это в ваши годы, господин профессор, обычные люди мечтали вмешиваться в политику и влиять на нее, – парировал Роман Борисович. – Сегодняшнее общество политически индифферентно. Мы ничего не решаем, а только упиваемся своими иллюзиями о демократии и власти народа, который с помощью бунта сможет свергнуть незаконного монарха.

– Вы рассуждаете, как мальчик! Я ожидал от вас большего, – едко усмехнулся старый профессор. – Если кто и должен влиять на ситуацию, так это интеллигенция. Так всегда было, так всегда и будет.

Рома едва сдержался, чтобы не прыснуть смехом. Наивность этого мудрого ученого поразила его, впервые он осознал подлинную разницу поколений.

– Извините, но это какая-то чушь, – довольно резко сказал он. – Россия всегда выбирает себе монарха, такая уж у нее природа. Из любой правительственной группы выделяется один лидер и ему поклоняются, как императору. За Лениным стояли Троцкий и Рыков, но кто стал иконой Страны Советов? Он один. У Берии был значительный политический вес, как и у многих других из кружка Сталина. Но снова выделился гигант и воссел на престоле, яко царь Иоанн IV. – Профессор нахмурился и покачал головой, вынужденно соглашаясь с аспирантом. – Нам нужен самовластный монарх, образ сильной личности, которую мы, возможно, сами себе и придумали. Но если нет ее, этой личности, то и величия нет, страна-победительница меркнет. Единственное, на что мы можем как-то повлиять, – добавил он, – так это на то, чтоб монархи почаще менялись.

Стоит признать, что остальные университетские умы решительно планировали бойкотировать «подачку палача» и не собирались отдавать свой голос какому-либо кандидату. В весеннем холодном воздухе витала тяжелая отчаянная усталость, казалось, даже леса вытянулись в струнки, последний раз натягиваясь, чтобы снова на долгие годы покорно склониться к земле...

* * *

Рома, его сестра Надя, Маша, Вера и еще несколько их друзей договорились все вместе встретиться на одном избирательном участке и дружно разрисовать свои бюллетени. Эта затея казалась им забавной – в тот год многие молодые избиратели поддержали такой флешмоб. Кто-то из принципа и политических убеждений, кто поблагороднее – из чувства социальной справедливости, ну а остальные, в том числе и наша компания, – из спортивного интереса и по большей части от скуки. Выборы превратились для них в очередной фестиваль, настоящую ярмарку тщеславия, на которую ты либо приходишь лицемерить и веселиться, либо не приходишь вообще.

Они встретились в парке неподалеку. Один молодой парень, бывший сокурсник Лузова (из немногих, с кем он смог найти общий язык), развлекал публику, чтобы она вконец не заскучала. Ждали Веру, которая, вопреки своим обычаям, сегодня запаздывала. Рома уткнулся в телефон и делал вид, что читает, чтобы не встречаться потерянными взглядами с Мари. Та время от времени поглядывала на часы и перекидывалась бессмысленными фразами с Надей. Наконец за колонной ровных березок показалась спешащая фигурка Веры в джинсах и розовом пиджаке. Но шла она не одна: рядом, обхватив ее за руку, шагал какой-то незнакомый господин в молодежном прикиде. Этот смешной вид явно не шел его возрасту – выглядел он лет на тридцать.

Поздоровавшись со всеми, Вера представила им Артема Дягилева. Все дружно его приветствовали, а Вера украдкой следила за реакцией Лузова. К сожалению, ничего кроме раздражения в его лице она не увидела. Всей толпой они двинулись на участок.

Первым в кабинку зашел Лузов. Весь день его мучили колики, и ему с трудом удавалось держаться надменно-достойно. Сказывался алкоголь – да и мало ли что может сказываться в таком возрасте! Сейчас люди стареют куда быстрее, чем может показаться на первый взгляд. Разглядев как следует выданную бумажку, Лузов усмехнулся и уже собрался хорошенько ее подпортить, как вдруг впечатляющая затея пришла ему в голову. Никогда раньше особое чувство патриотизма его не тяготило, но тут он вдруг понял, что он – русский, и мороз побежал у него по спине. Расскажи он кому-то эту историю – и его подняли бы на смех. Но сейчас, оставшись наедине со своими мыслями, Рома решил на настоящий протест. «Все это – буря в стакане, ну и что теперь? Если от меня и в самом деле ни черта не зависит, я хотя бы не буду чувствовать себя идиотом, которого обманывали восемнадцать лет».

Вооружившись ручкой, он резко зубами сдернул с нее колпачок и вывел крупно: «Я люблю так преданно, что предупреждаю *тебя*: все сословия, от низших до высших, и даже те, кто сейчас на войне, дошли до последней черты... Какие еще трагедии могут произойти, какие страдания нас ждут?»⁸ Лузов грустно вздохнул и всунул испорченный бюллетень в урну.

– Ну, кто будет делать ставки? – насмешливо спросила Мари, когда все вышли с избирательного участка.

– Я только что понял: ведь мы не знали никого другого за всю свою сознательную жизнь. Даже начинает казаться, будто он мой отец, – усмехнулся Рома. Надя уставилась в пол и молчала.

Расходились молчаливо. Дягилев попрощался с Верой у метро и ушел в другую сторону. Мари, чмокнув Надю, заговорила с кем-то по телефону и с мрачным видом скрылась в толпе. И только Лузов загадочно улыбался. У него все еще была вера.

⁸ Из писем княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II

Глава пятая Фестиваль

*«Хочу, чтоб не поверили,
узнав, друзья мои.
Хочу, чтоб на мгновение
охрипли
соловьи!
Чтобы впадая в ярость,
весна по свету шла.
Хочу, чтоб ты смеялась!
И счастлива была»⁹*

Примерно к середине июля Москва готовилась принять в свои объятия тысячи молодых людей и девушек: стартовал трехдневный фестиваль. По опыту можно было сказать, что в центр съедется весь город и даже область – событие и правда масштабное. Всегда такая неприветливая, высокомерная Москва – и принимает с радостью всех желающих! Редкость. Лузов знал о надвигающемся событии и очень хотел всеми силами вытащить Мари из дома. Пускай это не свидание, но хотя бы возможность лишний раз увидеть ее, посмотреть на нее, говорить с ней. Сам он был очень нелюдим еще с детства. Можно вообразить, на какие жертвы он шел, только бы оказаться с ней рядом! Прошлогодний фестиваль прошел как-то мимо них, ни один знакомый Ромы или Маши на нем не был, а потому никому и не запомнился. Но в этот раз, кажется, едут все. Сейчас лучшее время: жара ближе к вечеру уже спадает, закатное солнце приятно щекочет нос длинными лучами, теплый, что ни на есть южный, ветер отгоняет противных мошек, и они не облепляют лицо, как это обычно бывает в знойную погоду. За последнее время город заметно изменился. Москва похорошела, посвежела и помолодела лет на двадцать. Лишь отдаленные районы серой ветки и северо-востока по-прежнему выглядят пугающе. Но спальные кварталы во всех городах одинаковы. По крайней мере, хотелось бы так думать.

Маше всегда нравилось родное зеленое Измайлово. Запах сирени – настоящий атрибут московской весны – она сохранит в памяти, наверное, до самой смерти. И бесконечно грустно и больно было ей уезжать отсюда! Часто летом, когда заканчивалась учеба в институте, она с тоской обходила главные места своего детства, и от одолевавших ее воспоминаний становилось ужасно душно, тоскливо, но как-то отраднo. Пожалуй, именно это называют ностальгией. Лузов же всегда старательно выказывал равнодушие к месту своего обитания. Мол, не мужское это – тосковать по детству. А в то же время, никто из его сверстников не умел скучать и грустить по прошлому так отчаянно и так самозабвенно, как он. Порой, когда он приезжал погостить к матери или сестре, его сердце сжималось в маленький колючий комочек и больно царапало грудь изнутри. Он все время спрашивал самого себя – куда же улетело его детство? – и не находил ответа. Кажется, оно так и растворилось в этих кустах сирени и серо-голубом небе без единого облачка. Или в этом серебряном пруду в парке. Просто утонуло когда-то давным-давно, а сам Рома даже не замечал, как теряет самое важное и дорогое, что когда-либо имел. Чтобы лишний раз не мучить себя этой самой приятной пыткой из всех, изобретенных богом, Лузов старался как можно реже приезжать в родной район. Поэтому он уже два года снимал квартиру на Войковской, и такое положение дел его более-менее устраивало. В вопросах жилья он действительно был абсолютно не притязателен. Человеку творческому, ему важна

⁹ Рождественский Роберт Иванович (1932-1994гг.)/ «Я жизнь люблю безбожно»

была атмосфера и «воздух», как он сам это называл. Когда «воздух» хорош и не придавливает тебя к земле – тогда и работается легко, и находишь в себе силы писать.

В полдень Лузов собрался с силами, гордо встряхнул головой и решился, наконец, позвонить Маше. Трубку подняла она сама, и Рома улыбнулся, услышав сонный тоненький голосок.

– Доброе утро, Марья Сергеевна! – как можно более непринужденно поздоровался он, но голос его предательски задрожал от волнения. – Не разбудил?

– Разбудил, – недовольно послышалось из трубки. – Чего ты хотел, Рома?

– Слышала о московском фестивале?

– Все слышали. Хочешь пригласить меня? – Лузов даже на расстоянии представил, как ехидно Мари прищурила глаза, задавая этот вопрос.

– Да, – ничуть не колеблясь и достойно держа удар, ответил он. – Говорят, все наши будут там.

– Наши? Кто это – наши? Рома, школьные приятели уже давно не наши, мы разбежались. Но в целом, я не против. Возьму с собой подруг. Встретимся в пять? Давай, я побежала, мне собираться надо.

И она повесила трубку. Никогда он не привыкнет к ее бестолковой манере общаться! Приглашает он – а условия ставит она. Недовольно фыркнув, Лузов пошел на кухню.

С самого утра Роман Борисович почувствовал: сегодняшнюю ночь он проведет плодотворно – займется романом. Он не писал уже почти неделю, и всю неделю мучился бессонницей и головными болями. Красивое белое лицо его, словно выточенное из мрамора, слегка осунулось и потускнело, но не потеряли огонек блестящие миндальные глаза. Их синева могла бы поглотить любого, кто долго смотрел на него в упор. «Главное не вести себя по-идиотски сегодня!» – тараторил он про себя, как мантру. Больше всего Лузов боялся опростоволоситься при Маше, а потому нещадно муштровал себя. Кроме того, завтра должны звонить из издательства и дать точный ответ. Вся эта канитель со зваными ужинами жутко его напрягала и нервировала. Находясь в подобном обществе, он чувствовал себя букашкой у них под ногами. Зазеваешься, Рома, – и тебя раздавят, склизкий ты червяк! Он зевнул и похлопал себя по щекам. Уже половина второго, а он никак не может заварить кофе. Навернув еще три круга по кухне – от стола к раковине и обратно – он наконец поставил турку на плиту. Что ждет его впереди? Пока денег хватает на мелкие радости и арендную плату, все идет неплохо, но потом... Достанет ли у него сил идти по намеченному пути, никуда не сворачивая и не предавая своего бога? Он знал, что его вера и его бог не позволят ему размениваться на бесполезную работу, убивающую любую творческую мысль в зародыше. И бог этот – литература – самый жестокий из всех человеческих богов. Лузов усмехнулся своим мрачным мыслям. Так он делал всегда перед лицом опасности. Если издательство примет его работу, успех в кармане. Но как жить дальше, зная, что ради священного успеха он пошел на сделку со своей совестью? Быть коммерческим писателем – это кривая дорожка, непонятно куда ведущая. Роман Борисович почти залпом выпил кофе, даже не ощутив его вкуса, потом отправил в рот бутерброд с ветчиной и сыром и устался в окно.

* * *

Он снова шел с ней рядом, едва касаясь плечом ее плеча. Две ее подружки – Нелли и Ксюша – семенили за ней, о чем-то весело треща всю дорогу. Маша молчала и смотрела строго перед собой. Ее маленькая светлая головка была затуманена какой-то тяжелой мыслью – и Рома это видел. Много раз он пытался заговорить, но отрешенный взгляд спутницы его останавливал. На мосту было не протолкнуться – столько людей на нем сбилось в единый поток, что легко можно было потеряться в нем. Мари взяла Рому за руку, и он вздрогнул от неожиданности. «Боюсь потеряться» – сказала она, простодушно улыбаясь. Когда она улыбалась вот

так, яблочки ее щек радостно поднимались наверх и округлялись. Ее детское миловидное лицо становилось еще милее и очаровательнее.

Наконец мост закончился, и они вчетвером спустились по лестнице к главным воротам.

– Рома, Маша, и вы здесь! – закричал вдруг голос из толпы. Ребята повернулись и увидели своего давнего знакомого Андрея Зубова в компании какого-то высокого темноволосого молодого человека с острыми скулами. Улыбнувшись, он оглядел всех четырех своими лукавыми синими глазами и остановился на Маше. Та в ужасе уставилась на Зубова.

– Привет, Андрей, – Рома замешкался и взглянул на незнакомца. Зубов ухмыльнулся.

– Григорий Фридман – мой закадычный друг, прибыл к нам прямиком из Смоленска! – продекламировал он, указывая на молодого человека. Тот, все еще не сводя глаз с Мари, учтиво поклонился. Рома поочередно подал руку им обоим и сконфузился. Маша взяла его за локоть и отвела в сторону.

– Что делает здесь это животное?

– Мари! – шикнул на нее Рома. Он ожидал от нее многого, но не такой же реакции! Он сам до мозга костей ненавидел Зубова и желал бы никогда больше не видеть его, но чувства свои ему всегда удавалось очень хорошо скрывать в закрытом сундучке глубоко-глубоко на самом дне души.

Нелли и Ксюша, пользуясь отсутствием подруги, облепили Григория с двух сторон и в открытую с ним кокетничали. Он смеялся им в глаза, поворачиваясь то к одной, то к другой, и эта игра его явно забавляла. Андрей пару раз раздраженно толкнул его в бок. Ему не терпелось попасть в самую гущу событий, забыться, выпить чего угодно и в огромном количестве, хорошо провести время с любимым товарищем. Зубов был человеком невысокого роста, но достаточно крепким, жилистым. Его тонкие ровные губы, казалось, всегда улыбались, но как-то неискренне и натянуто. Он смотрел на всех круглыми, как монета, серыми глазами, которые то и дело бегали из стороны в сторону, как маятники. Глядя на него со стороны, можно было бы подумать, что у него мания преследования, не меньше. Слишком уж сильно ему хотелось вечно куда-то спрятаться, зарыться в толпу, затеряться.

– Давай оставим их и уйдем? – прошептала Мари, и даже слезы показались на ее глазах. Рома схватил ее руки в свои.

– Маша, что случилось? Я уведу тебя отсюда, только не расстраивайся! Я дурак, дурак! Мог бы предположить, что и этот урод тут будет... Прости меня.

Мари прижалась щекой к его груди, как маленькая испуганная девочка, и сердце Лузова забилося бешено, невообразимо часто, что и не сосчитать ни одним кардиостимулятором.

– Эй, куда вы? – закричал вслед парочке Фридман, заметив, что они уверенно дезертируют и оставляют их тут, у входа в парк. Андрей только испуганно сверкнул глазами и одернул друга.

– Черт с ними, пусть идут.

Григорий удивленно вскинул плечами.

* * *

Рома безмерно обрадовался, когда удалось сплавить подружек Мари. Он приготовил ей захватывающее путешествие, и не хотелось бы, чтобы две курицы испортили им впечатление от сегодняшнего праздника. Он усмехнулся.

– Куда мы идем? – спросила Мари. Ей хотелось наконец разрушить эту стену молчания, в голове ее роился целый улей мыслей, ей было как-то странно волнительно, отчего-то дрожали ноги и пальцы рук. Злость потихоньку сменилась терпким смирением. Со временем Маше удалось обуздать свой огненный характер: все ее импульсивные порывы, гнев и агрессия быстро

утихали, тучи рассеивались, и мир снова окрашивался в светло-серый цвет, как небо после дождя.

– Хочу показать тебе кое-что, – загадочно ответил Лузов. Он крепко держал Машу за руку, боясь потерять ее в этой огромной пугающей толпе. Поток людей хлынул из распахнутых ворот парка и вылился на улицы Москвы, чуть не сбив их с ног. Закончилось выступление какого-то артиста, и слушатели покидали территорию. Мари схватила Рома за руку и следовала за ним, как ниточка, стараясь во все глаза смотреть кругом и не убится об какого-нибудь пьяного парня, лежащего на земле. Наконец они подобралась к главной сцене. Яркий малиновый свет прожектора ослепил Машу, и она прищурилась. Перед собой она увидела огромную цветную толпу, хаотичнодвигающуюся из стороны в сторону, едкий запах травы и сигарет вскружил ей голову. Рома обхватил ее за талию и повел в противоположном направлении. Они обогнули столпотворение и очутились по другую сторону от него.

– Мы сейчас полезем наверх, – прокричал Маше на ухо Лузов. Девушка вытаращила глаза и посмотрела на него с недоумением.

– Что?!

– На этом объекте работает мой хороший товарищ, – не без гордости сказал Рома. – Я еле уговорил его пустить нас наверх! Но он нацепит на нас страховку, так что ничего смертельного не случится.

Маша облегченно выдохнула. Чуть поодаль от самой сцены их встретил сотрудник ЧОПа, одетый как секретный агент. Рома вежливо поздоровался с ним, как со старым приятелем, и тот пригласил их пройти за кулисы. Прямо за сценой вела наверх узкая железная лесенка. Рома с азартом запрыгнул на нее первый, обернулся и подхватил Машу за локоть. Та боязливо вскрикнула, но все-таки поползла вслед за Лузовым.

– Только осторожнее там! – пригрозил им мужчина в черном. Рома улыбнулся и повертел в руках прикрепленный к талии трос.

Они забрались на самый верх покатой крыши и оказались выше танцующей толпы. Рома крепко прижимал Машу к себе, чтобы она не зацепилась за какую-нибудь балку или провод и не покалечилась.

– Зачем мы тащимся сюда? – возмущалась Мари. – Вот упадем и испортим всем праздник своими похоронами.

Рома усмехнулся и протянул ей руку.

– Мы почти на месте, – уверенно заявил он, отряхивая ладони.

Им осталось преодолеть только небольшой пролет и перелезть на внутреннюю сторону пологого навеса. Мари то и дело чертыхалась и ругала себя за то, что так и не решилась в детстве взять пару уроков скалолазания. Наконец, они оказались в безопасности – от пропасти их отделяла железная ограда, состоящая из трех длинных полых металлических труб. Ноги можно было свободно свесить вниз – между бортиком и самой крышей было достаточное расстояние. С этой стороны крыши открывался вид на реку, орущую толпу и сцену. На ней плясал и что-то кричал в микрофон небольшого роста паренек, в кепке на бок и черной мантии почти до пят. Странно, но труды его были напрасны, и зря он так напрягался: голоса его за безжалостным ревом музыки совершенно не было слышно. Но зрителям было достаточно уже того, что их кумир стоит так близко – только протяни руку, и он, может быть, пожмет ее.

– Посмотри на них, – проговорил Рома, осторожно касаясь голого Машиного плеча. Люди у самой сцены смешались в один огромный живой узел, прыгали, оттаптывая друг другу ноги, кричали, дрались. В этой одичавшей толпе молодых людей все будто сошло с ума и превратилось в животных. Одного парня кто-то ударил локтем в висок, он упал на землю, и его чуть не затоптали. Никто не помог ему подняться, никто будто и не заметил этого. У группы людей, потерявших человеческий облик и превратившихся в стадо, вдруг возник групповой инстинкт забивать слабейшего. Многие из парней снимали майки, груды потных тел плясала и со всей

силы стучалась о другую грудь. Затем обе кучи смешались в одну, люди стали падать друг на друга, придавливая тех, кто оказался внизу. У кого-то текла носом кровь, кто-то совсем потерялся под действием веществ и дрыгался в такт музыке, тупо открыв рот. И это они называют молодостью? В этом их главное удовольствие и отрада? Маша с горечью наблюдала за хаосом, творившемся у нее под ногами.

– Боже, Рома, и это ты хотел показать мне? – с ужасом спросила она. – Ради этого мы сюда приехали?

– Нужно периодически давать людям сойти с ума. В средневековье для этого устраивали карнавалы. Тысячи людей превращались в одну свободную кашу, отрицали все строгие правила и нарушали всевозможные запреты. Это был не просто ежегодный праздник, это была самая настоящая другая жизнь, параллельная вселенная. Неумная, неконтролируемая, абсурдная. Нам тоже нужны такие карнавалы.

– Но они ведь поубивают друг друга! – воскликнула Мари.

– Вряд ли, – улыбнулся Лузов. – Им это только в радость. Вообще в человеке намного больше от животного, чем он привык думать. Если вся жизнь превращается в карнавал и сумасшествие – контроля больше нет, мы неизбежно становимся дикими и самыми страшными хищниками или падальщиками. Не веришь?

Маша бросила на него свой хитрый взгляд. О, она как никто другой его понимает!

– Верю, – тихо ответила она.

Им приходилось почти кричать, чтобы слышать друг друга. Но вскоре они привыкли и к шуму, и к непрекращающемуся бешенству, и к постоянному перенапряжению голосовых связок.

– Однажды я даже хотел написать об этом, – со смехом сказал Лузов. – Но это так глупо. В жизни итак все больше и больше безумства, только успевай приходить в себя, а тут еще и литературу этим заражать – ну уж нет!

Мари засмеялась.

– Все равно – не ты, так кто-то другой заразит, вот увидишь.

– Что ж, тогда я начну писать о любви и рубить огромные гонорары. Ничего другого не остается, – проговорил Лузов и достал сигарету. Маленький длинный огонек вспыхнул у него между пальцев, погас, и воздух прорезала тонкая линия дыма. – Только не знаю, о чьей бы любви написать.

– О своей, конечно, – сказала Маша, и хитрая ухмылка нарисовалась на ее прекрасном живом лице. Лузов понял ее намек, но нисколько не обиделся.

– В таком случае это будет самая грустная история на свете. И начну я прямо с этих самых слов: *«Это очень грустная история...»* – молодые люди посмеялись. – Все-таки хотелось бы верить, что существует на свете настоящая любовь. Не такая, как моя к тебе.

Маша нахмурилась.

– В литературе нет ни слова о счастливой, «правильной» любви, – произнесла она, болтая ногами в воздухе. – Ты говорил, что искусство – это отражение жизни. А значит, и в жизни никакой любви не существует. Все это бред собачий, вот и все.

– Мари, нельзя жить с такими установками, ей-богу! О здоровой любви поэм не пишут. Любовь из книг – это лишь рефлексия, сублимация бесконечных страданий творческой души. Только и всего. В жизни все совсем иначе.

– Разве только ещё хуже. Выходит, ты насильно поддерживаешь свои страдания, чтобы оставаться литератором и творческой душой? – не без коварства спросила Маша.

– Вечно ты все передегиваешь! Я страдаю потому, что я литератор, а не для того, чтобы быть им. Я бы предпочёл офисную работу 5/2 по восемь часов в день, жену-хозяйку и штук пятнадцать детей, но не это. Однако я ни для чего больше негоден и не приспособлен. Усугубляет это дело ещё и мое нездоровое честолюбие.

– Хочешь купаться в лучах славы, как Пушкин? Слышала, он был тем ещё засранцем! – Мари звонко засмеялась, ее тонкий голосок застучал у Романа в ушах, он тоже улыбнулся.

– Не понимаю, почему все так привязались к этому кудрявому забулдыге, – иронично сказал Лузов. – Вечно его в пример ставят, хотя, как по мне, он из всех русских творцов наиболее далек от всего русского.

Маша насупилась, но спорить не стала. Она вообще не особо любила вступать в перепалки с мужчинами, даже если была права. Рано или поздно мудрый мужчина сам поймёт, что ошибался, ну а глупый – глупому тем более не имеет смысла что-либо доказывать. Литературу Мари любила с самого детства, всем казалось, что она вылезла из живота своей матери уже с томиком Толстого в руках. Однако со временем ее пыл поулег. Особенно, когда она познакомилась с Лузовым. Ещё с начальной школы все заметили за ним редкий талант. Ни у кого не было и тени сомнения, что ему суждено стать писателем. Учителя любили его и лелеяли его талант, как младенца в колыбели, стараясь создать все условия для того, чтобы он развился вовремя и правильно. По правде говоря, такое всеобщее внимание только раздражало Рому. Он-то никогда не считал себя особенным. Ему казалось, что все дети одинаковы и точно так же сочиняют истории, как и он. Ему так хотелось быть незаметным, сливаться с толпой, галдеть и орать с мальчишками во дворе. Но стоило ему один раз упасть лицом в грязь на футбольном поле, как к нему, словно коршун, тут же подлетала классная руководительница. Тому, кто, не дай бог, подставил ее «звездному мальчику» подножку, приходилось очень несладко еще минимум недели две. Можно вообразить, как знатно дарование Лузова отравляло ему жизнь. Одноклассники боялись брать его с собой в игру – вдруг снова этот обалдуй оступится, а им отвечать! Так и стали называть его «звездный мальчик» и все время обходили стороной. Хотя было бы несправедливо выбирать из яркой, насыщенной красками картины только серо-черные цвета. Так и в этом случае: стоит сказать, что сверстники все-таки гордились Лузовым. Он был неизменным претендентом на победу во всех творческих конкурсах, его ценили за вежливость и доброту. В старшей школе он обрел двух лучших друзей – Сашу и Ярика. Эта троица была неразлучна и вскоре начала творить полный беспредел. В выпускных классах Рома оторвался за все предыдущие годы мальчишеского забвения. О, теперь он позволил себе все! Об их проказах ходили целые истории и даже легенды. Будто бы кто-то слышал, как они втроем, одевшись во все черное, посреди совещания ворвались в кабинет директора и начали распевать матерные песни. Странно, но им действительно очень многое сходило с рук именно благодаря Лузову. Наконец-то пришла пора, когда его талант начал играть за него, а не против. Примерно в это же время в их класс перевелась Мария Агафонова. Девочку встретили довольно дружелюбно, но никто не ожидал, что она окажется настоящей красавицей.

Если Лузову долгое время досаждал его талант, то Маше не давала расслабиться ее красота. Будь она сдержаннее и спокойнее, вечные взгляды и перешептывания ей удалось бы переносить с большим достоинством. Но небеса наградили ее таким пылким нравом, что на любое излишнее внимание она отвечала огненной агрессией и хамством. Пару раз ей даже приходилось драться. Девчонки ей открыто завидовали, а ухажеры чуть ли не стелились у ног. Но никому она не отдавала предпочтения, ко всем относилась с одинаковым равнодушием и подозрением. Она действительно уважала «мужские поступки» в свой адрес и щедро вознаграждала рыцарей прекрасной широкой улыбкой или пронзительным долгим взглядом. Однако влюбленности или хотя бы симпатии никто в этих глазах разглядеть так и не смог. Она оставалась неприступной крепостью, ее идеальный мужчина жил где-то на страницах книг. Это был некто между Реттом Батлером и Ральфом де Бриггасаром, но уж никак не маленький мальчик из 11 «А». Шальная троица ее забавляла. Ей нравились их причуды и выдумки, во многих их «походах в Иерихон» (так они называли побеги из школы в соседний двор) она и сама участвовала с удовольствием и азартом. В отличие от Лузова, Машу ее новые учителя невзлюбили сразу, буквально с первого взгляда, но никто точно не мог сказать почему. Училась она на редкость

хорошо и, несмотря на вечные яростные споры с преподавателями, окончила школу с золотой медалью. Ярослав и Алекс (так друзья называли Сашу) только посмеивались над ней. Рома же смущался этой несправедливостью и много раз вступался за Мари в ее жестоких боях за пятерку. «Она же прекрасно учится и все-все знает, что же вы делаете, души у вас нет!» – голосил он, и даже самые строгие из педагогов не выдерживали его софизма и сдавались под гнетом аргументов.

Поступив в университеты, ребята продолжали хорошо общаться. Александр Верещагин, Ярослав Гончаров, Роман Лузов, Андрей Зубов, еще парочка парней и девушек да Мари Агафонова – такова была их нераздельная компания. Но когда различия между друзьями стали обозначаться более явно, чем в школе (как известно, мальчики взрослеют позже девочек, но когда это происходит – они зачастую просто неудержимы в своих порывах), с тесным общением пришлось распрощаться. Они больше не собирались все вместе на квартирные вечеринки, а виделись по парам или тройками. Никто от этого особо не страдал. Наоборот, для каждого из них настала прекрасная пора самопознания и познания другого. Давно все начали замечать, как Алекс смотрит на Мари, с какими круглыми глазами вьется около нее и почти не обращает внимания ни на кого другого. Он был очень красив: рыжие волосы одной большой пышной волной лежали на его голове, узкое лицо, ровный нос и веснушки совсем не портили его какую-то совсем не русскую, а ирландскую красоту. В своих чувствах он никогда не признавался, да и Маша со своей стороны не проявляла никаких признаков заинтересованности в нем – что ж, такова ее натура. Никому никогда не понять, что в действительности происходило у нее в сердце и какие бои она ежедневно вела с ним. Какой же для всех был удар, когда они узнали, кто получил заветную нетронутую розу! Избранником Мари оказался Ярослав. Этот серый кардинал не уделял ей никакого внимания, даже редко заговаривал с ней, но делал это сознательно, давно разгадав главную загадку: самая неприступная крепость падёт, если столкнется с таким же равнодушием, которое сама излучает. Отчасти он оказался прав. Но лишь отчасти.

Машу и вправду влекло к Ярославу. Он был очень мужественно сложен: широкие плечи и торс упирались в узкие бедра и мускулистые сильные ноги. Они с Сашей в одно время очень увлеклись лыжами и сноубордингом, вот только фигура у Ярика и от природы была прекрасной, а тренировки только закалили податливую сталь его мужского начала. Но если бы у Маши спросили, влюблена ли она в Ярослава Гончарова, ее ответ был бы однозначен – нет. И вовсе не из гордости, она всегда была честна сама с собой. Просто ей казалось, что он лучший вариант, и именно с ним она хотела испытать свою женскую привлекательность. Это случилось прозаично и без какой-либо романтики. Маше ее и не хотелось. Она все свое сердце отдала невидимому и недоступному мужчине из кинематографа, а уж кому отдать свое тело – вопрос второстепенный. Алекс расстроился, но быстро забыл о своей печали и погрузился в любимое дело. Он вообще обладал талантом отдавать всего себя тому, чем занимался, вкладывал в это всю свою душу. Склоны и горы вскоре залечили его разбитое сердце и успокоили тревоги. Он любил скорость, любил летящий ему навстречу холодный ветер, любил падать в снег, закутываться в него, как в одеяло и лежать, лежать... Он так и останется вечно лежать под этим мартовским льдом, поддавшийся бурной стихии, не справившись со слишком большой нагрузкой. Он просто растворится в воздухе и растает на солнце, как снег.

* * *

Гул фестиваля уже стих, а Рома с Мари так и остались сидеть на перекладине. Как страшно смотреть вниз – дух захватывает, и небо так близко, какое звездное сегодня небо!

– Так бы и сидела здесь, – первой нарушила тишину Маша и глубоко вдохнула воздух ночной Москвы. Сигарета все еще дымилась в руке Лузова, едкий дым лениво поднимался

наверх, навстречу Маше, но она не замечала его. – Сидела и смотрела бы на звезды. Но вечно боишься упасть, это омрачает все удовольствие.

Рома ухмыльнулся, потушил сигарету о железную трубу и бросил вниз. Она, кружась в прощальном вальсе, упала на самый центр пустой сцены.

– Как ты думаешь, что там, после смерти? Страшно ли умирать? – спросила Мари, устремив на него свои пронзительные серые глаза.

– Думаю, страшно. Даже уверен, что очень страшно, Маша, – отозвался Рома.

– Прямо до смерти страшно? – Мари продолжала смотреть на него в упор. Уголок губ ее задергался, и рот растянулся в улыбке. Оба они рассмеялись странному каламбуру и стали осторожно спускаться вниз.

Внизу, у железной ограды, которая отделяла сцену от публики, их уже ждала знакомая компания. Во время давки они стояли на набережной и слушали доносившиеся до них крики и громкие басы музыки. Когда сцена опустела и люди стали потихоньку расходиться, глазастая подруга Мари заметила ее на самом верху, над толпой, и в ужасе ахнула. «Она же сейчас упадет!» – закричала она, пихая Ксюшу в бок. Та недовольно съежилась и оттолкнула Нелли. Фридман стоял поодаль и, докуривая сигарету, не сводил глаз с маленькой, еле заметной фигурки, будто парящей над всей этой сутолокой и хаосом, как ангел. Он не любил шумные столпотворения, в отличие от Андрея обладал очень спокойным характером и выдержкой, да и все эти детские развлечения давно перестали волновать его – так ему казалось. Хотя вид обезумевшей толпы, которой вдруг позволили творить все, что ей вздумается, взбудоражил его. Мороз прошел у него по спине, когда из этой разноцветной массы выбежала девочка лет шестнадцати, с двумя косичками по плечи и алой повязкой на голове. Она, стреляя на всех ошалелыми глазами, закрыла рот руками, понеслась к реке и, сбежав по лестнице, перегнулась за борт и прыгнула в воду. Раздался чей-то крик, пара девчонок подбежала к воде, но ни одна не осмелилась прыгнуть вслед. Фридман поспешил к ним.

– Что, ваша подружка искупаться решила? Совсем мозгов нет? – обеспокоенно спросил он. Девочки задрожали, одна из них отчаянно зарыдала. Гриша внимательно осмотрел их: обе они были пьяны, от них пахло рвотой и спиртом. Его передернуло. – Что же вы делаете, идиотки! – вырвалось у него. Одна из девчонок, светло-русая, голубоглазая и очень худощавая, протянула к нему свои тоненькие, как палки, руки. Молящие глаза ее просили о помощи.

– Она... не умеет плавать... – только и сумела выговорить она, беспрестанно всхлипывая. Глаза Фридмана округлились от испуга, он, ни секунды не медля, начал расстегивать рубашку.

– Гриша! – закричал Зубов и подбежал к нему. – Что тут стряслось?

Григорий молча кивнул в сторону воды, потом строго посмотрел на девочек (обе они уже ревели навзрыд), разулся и прыгнул в грязную мутную реку. Андрей успел только нервно вскрикнуть. Испуганные Нелли и Ксюша наблюдали за всем издали – Зубов приказал им оставаться на месте. Сам он присел на нижнюю ступеньку и, перепугано кусая губы, следил за шевелением воды.

– Ничего, ничего, – шептал он, успокаивая то ли девочек, то ли самого себя. – Он прекрасный пловец, сейчас вынырнет! Сейчас, еще минуточку...

Темная вода дрожала и блестела на вечернем солнце, от центра к берегу отходили большие круги. Мимо набережной, не обращая внимания на бесящуюся толпу, крики и шум, медленно и тихо проплыл белый теплоход. Как невозмутимый айсберг, он отражал солнечные лучи от начищенной блестящей мачты; на палубе, опершись о бортики, стояли люди и мечтательно глядели вокруг. Кто-то смеялся, кто-то мирно попивал шампанское из тонкого вытянутого бокала... Прошло три минуты, потом еще одна. Андрей начал ерзать на месте и все громче причитать. Девочки прижались друг к другу, как котята, и уже перестали плакать, а только всхлипывали и подрагивали. Но вот – наконец-то! – на поверхности показалось небольшое светло пятнышко. Спустя секунду выплыл Фридман, держа за плечи захлебнувшуюся

девочку. Все облегченно выдохнули, Андрей вскочил на ноги и помог вытащить утопленницу на землю. Нелли и Ксюша смотрели на новоиспеченного героя во все глаза: его красивая стройная фигура поднялась из воды, по мощному телу водопадом стекала холодная вода, он весь дрожал. Встряхнув головой, Фридман наклонился над бледной девочкой и похлопал ее по щекам.

– Как ее зовут? – бегло спросил он двух подружек. Светленькая (она, по-видимому, была старше остальных) ответила, что девочку зовут София. Григорий усмехнулся. – Ну, имени своего она не заслужила. До мудрой ей очень далеко.

Девочки не поняли его слов, но обе насилу улыбнулись и хихикнули. Искусственное дыхание не помогло привести Соню в чувства, и пришлось вызывать скорую. К этому времени на набережную уже прибежали запыхавшиеся охранники. Один из них резко отпихнул Гришу в сторону и наклонился над девочкой.

– Она не дышит, черт возьми, что ты сделал?! – закричал он на Фридмана. Тот лишь презрительно окинул его взглядом и надел рубашку. Андрей помог ему застегнуть пуговицы – заледеневшие пальцы Гриши не слушались.

– Он спас ее! – вдруг воскликнула девочка помладше.

Минуты через две подоспела скорая помощь, все время дежурившая у входа в парк. Девочку положили на носилки и поместили в машину реанимации. У берега уже собралась целая толпа зевак. Многие отвлеклись от концерта, посчитав событие на реке более интересным и увлекательным. Все они сверлили глазами мокрого Фридмана и перешептывались. Ребята пониже вставали на цыпочки и вытягивались, как сурикаты, чтобы только хорошенько рассмотреть, что же происходит на берегу.

– Я больше никогда, никогда не буду пить! – прошептала светловолосая девочка своей подруге. Та кивнула и смахнула слезку с пухлой щеки.

Концерт закончился, толпа рассосалась, и они вчетвером подошли к сцене, чтобы захватить Мари и Рому и уже вместе поехать домой. Ощувив землю под ногами, Маша первым делом уставилась на промокшего до нитки Григория. Рубашка его собрала с тела всю влагу, и теперь малейший ветерок заставлял его лихорадочно трястись. Они с Мари встретились взглядом, и ее тут же, словно молния, поразили спокойствие и какая-то неведомая сила его глаз. Они смотрели на нее так бесстрашно и с таким нескрываемым вожелением, что она смутилась и потупилась. Нелли о чем-то беспокойно рассказывала Лузову, тот периодически удивленно двигал бровями и многозначительно кивал, поглядывая на Фридмана. Зубов скрылся где-то за спинами и не выглядывал. Мари даже забыла о том, что он вообще существует. В ее мире не было ничего, кроме этих синих глаз, страшных и завораживающих. Казалось, она вот-вот утонет, задохнется, умрет. Но ничего не случилось, Гриша отвел взгляд в сторону и улыбнулся кому-то в ответ. Зубы его громко застучали. И тут Маша вдруг вышла из оцепенения.

– Да он же насквозь мокрый! Дайте ему кто-нибудь куртку! – сурово воскликнула она, смотря на Рому. Лузов глупо ухмыльнулся, снял с себя свитер и протянул Фридману.

– Дурак, не догадался, – промямлил он. Машу до бешенства раздражала эта постоянная манера Лузова теряться в компаниях. Как увлеченно и красиво он разговаривает с ней наедине! Ну почему, почему он не может вести себя нормально в присутствии других, так же смешно и остроумно шутить, блистать своими знаниями? К чему эти ужимки, глупость и дурацкое заикание! По правде говоря, ей было очень досадно, что он такой несуразный и нелепый. Ей хотелось, чтобы каждый новый знакомый видел в нем то же, что видела она. Но как же он мямлит, прямо как баба! Она раздраженно закатила глаза и направилась к выходу.

Гришу вся эта история, видимо, задела за живое. Всю дорогу он держался обособленно от всех и молчал. Ни Ксюша, ни Нелли его уже не трогали. Они шли рядом с Мари и поминутно переглядывались, хихикали или перешептывались.

Глава шестая

Фридман

*«Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить»¹⁰*

У Григория Михайловича Фридмана впервые за долгие три года так трепетно забилося сердце. Вспомнив вчерашнюю встречу с Мари, он сладострастно подумал о том, что обязан сейчас же заполучить ее. Он привык, что желания его исполняются сиюминутно, и именно по такому принципу жил. Разгульная молодая жизнь его вполне устраивала. Человеком он был достаточно обеспеченным, пробившимся, так сказать, «из низов», и даже мог похвастаться, что заработал все своими усилиями. К двадцати восьми годам он уже купил машину, снимал крупные апартаменты на Измайловской и управлял хоть и небольшой, но собственной IT-компанией. Смело можно заявить, что это был человек, довольный своей жизнью. Однако у каждого – свои печали и свои тараканы в голове. Фридман редко подпускал кого-то слишком близко. Единственным исключением был, пожалуй, Зубов, который за годы дружбы ни разу не совершил ни одной подлости. Опирируя выражениями великого классика, надо признать, что Зубов был в этой дружбе рабом Гриши¹¹. В глубине души Фридман осознавал, что стоит ему исчезнуть – и Андрей просто пропадет в этом огромном мире. И все-таки Гриша любил Андрея так же беззаветно и верно, как тот его.

Они открывали друг другу все, не утаивая даже самых мерзких грешков, но Андрею удалось-таки скрыть главное. Гриша никогда в полной мере не представлял, насколько глубока финансовая яма, в которой сидел его товарищ. Слепленный успехом друга, Зубов, быть может, просто стеснялся говорить о своем бедственном положении и продолжал заниматься криминальной торговлей из-под полы.

* * *

В августе Мари попала в больницу. От несусветной духоты она свалилась в обморок прямо в метро по дороге на работу. Врачи не рискнули отправить ее обратно в летнюю жару, перестраховались и оставили в палате «полежать недельку». Тут было тоскливо. Серо-желтые стены мычали по ночам, плакал в соседней палате ребенок. Соседка Маша – сорокалетняя полная женщина с аппендицитом – беспрестанно охала, сморкалась и кряхтела, чем доводила молодую пациентку до припадков раздражения. Спасали наушники, книги и фильмы. Почти каждый день приезжали родители, привозили еды на месяц, как будто Машу отправили в трудовой лагерь, а не в больницу. Впрочем, дородная соседка, которую почему-то никто не навещал, съедала большую часть привозимого, а родители радовались, что у их дочки такой хороший аппетит.

Случались и минуты спокойствия, когда Ларису Иннокентьевну (так звали соседку) выводили из палаты на процедуры. На них она могла торчать целых полтора часа, и это было поистине прекрасное время свободы и расслабления.

¹⁰ Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945гг.)/ «Бессилье»

¹¹ «Я к дружбе неспособен: из двух друзей всегда один раб другого»/М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

На третий день Маше написал Фридман и предложил встретиться. Она, посмеявшись, отправила фотографию из палаты и пригласила его на свидание в больницу. «Кто знает, суждено ли нам еще свидеться...» – шутила она. Выпытав номер лечебницы, Фридман пропал на целые сутки. Мари и думать о нем забыла, как вдруг он, вытянутый и кудрявый, появился в дверях палаты, улыбаясь всем лицом. Воротничок его поло был по-летнему расстегнут, весь он дышал здоровьем и ягодной свежестью. В руках он сжимал плотную ножку букета, перевязанного розовой лентой. Маша присела на кровати, поджав под себя ноги, и долго удивленно разглядывала гостя. Лариса Иннокентьевна ушла на физиотерапию; солнечно бликовало окно, слепя лучами и разбрасывая их хаотично по палате; от угла разрезала стену ползучая полоска света.

– А вот и я! – торжественно отрекомендовался Гриша, беря из угла стул и усаживаясь на него. Букет он положил на кровать – прямо Маше в ноги. Она улыбнулась.

– Ты бы хоть предупредил, что придешь, – сконфуженно заметила Мари. – Я не в лучшем виде.

– Нет ничего лучше этого вида, – смазливо сказал Фридман, обхватывая руками спинку стула. – Как ты здесь очутилась?

– Я всегда была болезненной, – ответила она. Фридман усмехнулся.

– Забавно: я в мокрой рубахе мерзну на холоде, а в больницу попадаешь ты, – сказал он. Синие глаза заблестели золотыми кружками на радужках. – Нужно себя беречь. Если не можешь сама – предоставь это кому-нибудь другому.

И он улыбнулся еще шире. Маша смотрела на него по-детски распахнутыми глазами, внимательно изучая его красивое взрослое лицо. Длинная морщинка на лбу выдавала в нем человека серьезного и властного, хотя по манере разговора этого и нельзя было сказать.

– Мне пора уходить, Мария Сергеевна, – сказал он наконец, не выдержав тишины. – Сегодня на удивление много работы.

– Будьте бдительны, – коварно предупредила Маша, протянув ему свою бледную ручку. Фридман поцеловал её, подмигнул больной и удалился.

– Какие статные мужчины к вам ходят! – воскликнула Лариса Иннокентьевна, волшебным образом материализовавшаяся в палате. Маша счастливо улыбнулась и поставила букет в вазу на тумбочке у кровати.

* * *

Под вечер её одолела жуткая мигрень. Голова раскалывалась так, что малейший звук в коридоре или цоканье настенных часов доводили её до иступления. Только выпив целую горсть принесенных ей таблеток, Маша смогла шевелиться, но с кровати решила все же не вставать. Было около восьми часов, когда в палату вбежал запыхавшийся Лузов с тремя огненно-желтыми кустовыми розами. Они несуразно болтали своими рыжими головками и не хотели заходить. За Ромой вошла Вера в распахнутой блузке поверх маечки. Увидев их двоих в дверях, Маша болезненно засмеялась и не стала здороваться.

– А, кто-то уже принес тебе цветы... – обиженно проговорил Роман Борисович, бросив взгляд на прикроватный столик.

– Уйди, я плохо выгляжу! – капризно буркнула Маша, даже не посмотрев на него и закрыв лицо руками. Лузов покорно хмыкнул, положил розы на соседнюю тумбочку и вышел вон.

– Что же ты с ним делаешь? – с укором спросила Вера, присаживаясь напротив больной. Та сидела на кровати, прижавшись спиной к холодной желтой стене, и сверлила взглядом грязное окно. Солнце ушло, и все вокруг стало по-прежнему уродливым.

– Ты пришла учить меня? – надменно произнесла она, не поднимая глаз. – В таком случае, уже поздно.

– Нет, что ты, – беспокойно воскликнула Вера и взяла Машу за руку. – Просто хочу, чтобы он был счастлив.

После этих слов её лицо загорелось нездоровым румянцем. Маша одернула свою руку и наконец посмотрела на Веру.

– Надо же, как благородно! – усмехнулась Мари. – С чего такая доброта?

– Машенька, я люблю его, поэтому желаю ему только добра, – ответила Вера, улыбаясь. Мари съежилась, услышав это приторное «Машенька» – так никто уже давно не позволял себе ее называть.

– И разве тебе не больно от того, что он любит меня? – вызывающе спросила она.

– Мне было бы больно, если бы он никогда не смог никого полюбить. Теперь я знаю, что он на это способен, и мне спокойно.

– Ой, какая же ты дура, Вера, – задумчиво проговорила Маша и снова уставилась в окно. – Повезло же Лузову иметь такую крепость за спиной! Как бы не вышло тебе это боком.

– Когда-нибудь ты меня поймешь, – тихо произнесла Вера и вышла из палаты.

Маша еще долго неподвижно сидела на скрипучей больничной койке, погрузившись в свои тайные мысли. За окном заблестало молниями хмурое небо.

* * *

В искусстве отражается целый мир. Мы населяем этот мир сросшимися с нашим «я» страхами и переживаниями, все наши потуги понять природу находят выражение в искусстве, через которое мы анализируем действительность. За два тысячелетия границы нашего сознания и сознания мирового настолько размылись водой тающих ледников, что мы уже не воплощаем жизнь в виртуальности, а скорее пытаемся схватить виртуальность за ее длинные выдуманные уши и притянуть в жизнь. Искусство и наука единственные доказывают превосходство человека над остальными животными.

Примерно так, наверное, рассуждал Лузов, прохаживаясь по парку. Телефон он намеренно оставил дома, чтобы немного «проветрить» свой мозг от бесконечного потока ненужной информации. Иногда ему казалось, что голова его взорвется под натиском этой ежедневной пошлости телевизора и интернета. Но он заблуждался, отрицая эту пошлость. «По сути своей человек – существо ищущее, – думалось ему. – Творческие, профессиональные, любовные искания сопровождают его всю жизнь. Душа его так и мечется, разрываемая в разные стороны многочисленными «так принято» и «так надо» Как замыленная лошадь, старается она гнать вперед, но шоры общественного мнения не дают ей оглядеться по сторонам и найти свой путь. Гедонизм учит слушать голос своей души, экзистенциализм – спокойно ожидать смерти, но концентрироваться на живительной силе существования, а я? Чему могу научить я? Философия – это искусство, и надо непременно быть гением, чтобы стать философом. А что я могу дать пресытившемуся миру, кроме шаблонных сюжетов и пары пьесок, подчиненных всем правилам драматургии, а оттого особенно безобразных?» Настроение у него было удрученное.

Тягучие мысли налипли, как мухи, слетевшиеся на мед. Лузов зашел в бар. Шесть шотов пролетели незаметно, еще сильнее раздражив назойливых мух в голове. Стало подташнивать. Рома посмотрел на часы: половина седьмого. Что делал он весь этот день? Так и будет он задумываться над смыслом своего существования, тратя драгоценное время? Неужели так он и умрет, ничего не узнав окончательно? Стало холодно. Табак обжигает горло, смола въедается в зубы и пальцы. «Извините, здесь нельзя курить» – говорит пышная официантка, мило улыбаясь. Какой-то пьяный высокий парень с рябым лицом подбегает к ней сзади и шлепает по заднице. Лицо девушки гневно искривляется, но тут же насильно растягивается в ухмылке. Ей нельзя устраивать скандал. У нее нет денег и ей нужна работа. Столько всего таких офици-

анток по всей Москве? А в России? Лузов бросает сигарету в пустой бокал и, пошатываясь, встает с места.

– Ты что себе позволяешь, подонок? – проговорил он, и все вокруг затрещало и зазвенело. – Извинись перед девушкой.

– Не надо, не надо, – пищит официантка и расставляет руки в стороны.

Мир накрывает зеленым облаком. Внутри этого скопления пахнет человеческим телом, лимоном, дешевым табаком. И пока ты внутри, вырастают за плечами огромные зеленые крылья. Лузов уже знаком с этим облаком, ведь он часто бывает пьян.

Теплая дорожка бежит вниз к подбородку, скатывается на воротничок белой футболки. Нога упирается во что-то мягкое, противное, горячее. Девушка продолжает противно пищать. Стоило ли заступаться за тебя, если ты такая противная! Лузов вытер нос рукавом, и по нему тотчас поплыли красные пятна. «Горячая еще кровь» – подумалось Роме. Охранники вытолкали его из заведения, и он приземлился на мокрый асфальт, радуясь, что наконец-то можно закурить...

* * *

К утру не осталось ничего, кроме бесцветной и пресной апатии. Несмотря на тучу, коронной водрузившейся Роме на голову, день выдался солнечный. Август в разгаре.

Летом работы в «Эксперте» не убавлялось, и писать Лузову приходилось в том же темпе, что и весной. Только теперь на него стали чаще накатывать волны недовольства и разочарования. Отчего – он и сам не мог понять. Ему казалось, что главным его жизненным разочарованием был он сам. «Вот есть же успешные люди, которые способны вдохновить других. А я даже себя вдохновить не могу» – думал он, валяясь в прохладной кровати. Тело его все ломило, по швам трещала голова. После двадцати уже испытываешь все прелести похмелья... Подумав немного, он решил, что лучший выход – не вставать вообще. Так и лежать весь день, лежать всю жизнь и смотреть, как она проходит, и медленно, многозначительно и драматично проводить ее взглядом. «А потом – пролежни, остеохондроз, ожирение. Да пусть прямо и похоронят меня таким, вросшим в диван. Хоть чем-то запомнюсь».

Ходуном заходила прикроватная тумбочка, по матрасу пробежала вибрирующая волна – телефон зазвонил. Нехотя приоткрыв левый глаз, Лузов стянул его с тумбочки, ответил и вдруг так и подскочил на кровати. Сон улетучился, боль развеялась, все внимание заострилось сейчас здесь, на этом знакомом голосе из трубки. Звонила Светлана Родионовна Плутова.

– Роман Борисович! – приторно воскликнула она. – Вас-то мне и надо! Вы еще не нашли издательство?

В тоне ее прозвучала скрытая ирония – или так ему просто показалось? Ведь Плутова, конечно, отлично знала, что никуда он больше не ходил.

– Нет? О, это прекрасно, мой цветочек! Тогда слушайте внимательно и не перебивайте, пока я не закончу, вы меня поняли? – она отдышалась. – Нашему издательству поступил грандиозный проект «сверху»... Ну, надеюсь, вы понимаете, что речь не о боге, – она простодушно засмеялась. Лузов напряженно ждал. – У нас заказано несколько крупных литературных мероприятий, в том числе премьеры произведений современной российской прозы. И нам нужен человек с завидным талантом, который сможет представлять нашу редакцию в этом проекте. Я сразу вспомнила о вас... э-э-э... Роман... да, Роман Борисович! Подъезжайте к нам в офис для обсуждения деталей сотрудничества, эта работа будет хорошо оплачена, гарантирую. Также обещаю, что приму вас лично и без очереди!

Похмельная голова отказывалась соображать, но душа уже дала четкий и ясный ответ. В конце концов, Лузов решил быть гедонистом.

– То есть вы предлагаете мне писать заказную шоблу? И в какую сумму вы оценили мой «поэтический дар»? – злобно сыронизировал Лузов. Вторая сторона немного помолчала.

– Роман Борисович, впредь прошу вас общаться уважительнее с людьми, которые хотят помочь вам на вашем творческом пути.

– Бред какой! Да просто отмыть государственные деньги с моей помощью – вот чего вы хотите.

– Ну-ну, не стоит судить о том, чего вы не знаете. Свою работу и часть договора мы выполняем безупречно честно. Впрочем, в этом вы и сами сможете убедиться. – Плутова искусственно покашляла. – Мария Сергеевна так мне вас советовала! Я только благодаря ей вам и позвонила. Но вижу, с вами диалог бесполезен.

– Маша? – вдруг оживился Рома. – Она думала, что я соглашусь?

– Роман Борисович, – продолжала Плутова. – Эта работа – лакомый кусочек. И если его не откушаете вы, кто-то другой вырвет его из ваших рук вместе с пальцами. Могу дать вам месяц на размышления. По доброте душевной. Обещайте мне подумать, цветочек! Такому таланту нужно открыть дверь в русскую литературу.

– Я подумаю, – пробубнил Лузов.

Снова беззубая апатия сжала его ребра. Он упал обратно в кровать и действительно не вставал весь день.

Глава седьмая

Андрей

«Мое отчаяние в жизни имеет прочные, а не временные причины. Есть в жизни живущие и есть обреченные. Я обреченный»¹²

Зубов с Лузовым учились в одной школе, но никогда особо не общались, разве что в компании. Андрей был из параллельного класса и имел привычку заводить очень сомнительные знакомства с какими-то отщепенцами. Учился из рук вон плохо, едва сумел закончить 11 класс и поступить в вуз на логистику. Его по-прежнему нигде не принимали, хотя в университете товарищей у него скопилось уже побольше. На первом курсе он опустил окончательно, и все, даже родные, поняли, что из него ничего толкового не выйдет. Никого не заботило, что чувствовал Андрей, когда в него бросали такие страшные слова. Любой другой бы сломался, но он только громко и задиристо смеялся всем назло и продолжал стремительно падать на самое дно.

Трудно сказать, почему так произошло. То ли от воспитания, то ли от индивидуальных особенностей, то ли от бесконечного осознания собственной ущербности Зубов решил устроить настоящий бунт против всех, кто когда-либо обижал его. Прежде всего, он разругался с родителями. Он ушел из дома, гневно захлопнув за собой дверь, и больше ни разу не появился на пороге. После того, как его отчислили из вуза из-за связи с наркотиками, ему позвонил отец. Единственными его словами были: «У меня больше нет сына». Зубов только расхохотался в трубку.

Кислота стала его лучшим другом, заменила соль и сахар. Ничто больше не могло привести его в чувства после очередного погружения под воду. Первое время он пытался как-то заработать на жизнь. Человеком он был вовсе не глупым, если б не жизненные обстоятельства, связавшие его по рукам и ногам, он смог бы добиться успеха даже не имея высшего образования. В эпоху интернета это не составило бы огромного труда для такого смышленного юноши. Но где-то на полпути он свернул не туда и уже не мог найти дорогу обратно. Тогда он рискнул работать по-крупному и в довольно короткий срок стал одним из известнейших дилеров ВАО Москвы.

Так и мотылялся он по свету в поисках чего-то, пока очередная ошалелая компания не занесла его в Смоленск два года назад. Там, в какой-то облезлой и вонючей халупе, они убежали в призрачный мир благополучия и легкой тошноты, красные глаза бегали по квартире, и сталкивались друг с другом потные исхудавшие тела.

Однажды в их притон попал новичок – чей-то очередной знакомый. Но он не был похож на них: одет прилично, почти с иголки, кудрявая копна волос, аккуратно уложенная, обрамляет смуглое лицо, синие глаза смотрят на всех неприветливо и горделиво. Зубову сразу не понравился этот тип.

– Ты ему доверяешь? – спрашивал он у одного из товарищей. – Стремный какой-то. Вдруг сдаст?

Товарищ только рассмеялся большим ртом с гнилыми зубами и ничего не ответил. Подозрительный тип сел в засаленное кресло в углу и закрыл глаза. Так сидел он около получаса, и Зубов втайне следил за ним своими мутными красными глазами. Невозмутимое лицо незнакомца нахмурилось, губы сжались в тонкую суровую полоску, будто он с силой сжал зубы. Скулы очертились еще ярче. «Трип схватил» – подумалось Андрею, и страх понемногу начал

¹² Платонов Андрей Платонович (1899-1951гг)

отступать. Мало ли, что могло стрястись у человека. Пришел сюда, чтобы убежать от жуткой безнадеги, окутавшей мир, как и они, как и сам Зубов...

На утро мутило и рвало. Вывалившись из туалета, Зубов столкнулся с подозрительным типом и с удивлением разглядел, какой он большой и широкий. Тип посмотрел на него с дерзкой ухмылкой на помятом лице и спросил хрипящим голосом:

– После вас не опасно заходить?

Андрей смутился. Никак не ожидал он, что этот темный крупный человек вдруг заговорит с ним. Здесь вообще редко хоть кто-то разговаривал. Он нервно усмехнулся и замотал головой. Зубов проводил типа прищуренным взглядом и ушел обратно в прокуренную комнату. Мутило страшно.

Уродливые лица расплывались у него перед глазами, бегали и прыгали из стороны в сторону лиловые и зеленые огоньки. Вся голова была в этих огоньках, и они кружили, кружили, кружили... Что-то тяжелое упало ему на плечо.

– Давай, поднимайся, – проговорил знакомый голос. Андрей замахал руками, пытаясь прогнать очередное дремотное видение, но не сумел, и голос стал настойчивее. – Поднимайся, ну! Сейчас же вставай.

Что-то крепкое и сильное схватило его подмышки и поволокло в темноту. Андрей закричал, стал ёрзать по полу и дергаться. Тогда хватка ослабла. Зубов вновь закрыл тяжелые веки, погрузившись в полусон-полубред. И вдруг лед побежал по голове, водопадом обрушился на лицо – пронзительный, страшный лед. Андрей вскрикнул и вскочил на ноги. Скуластое смуглое лицо громко засмеялось, и Зубов закрыл уши ладонями, чтобы не потрескалась от этого смеха голова. Большая ладонь неприятеля хлопнула его по плечу, и он едва не упал.

– Дружище, приходи в себя! Ты ведь не хочешь, чтобы менты пришли и увидели тебя в таком виде? Ну это просто неприлично так встречать гостей, ей-богу!

Андрей сморщился и попытался собрать мысли в кучу.

– Что тебе нужно? – с трудом открывая рот, спросил он. Большой человек снова засмеялся.

– Тю, я его спасаю, а он еще нос воротит! Алло, молодой человек, приплыли, выходим!

– Что это значит?

– Пригрели вы на груди змеюку, вот что. Собирайся и иди со мной, пока всех не повязали.

Зубов в панике схватил свою спортивную сумку, обулся и с вытаращенными глазами поплелся за подозрительным типом.

Шли они очень быстрым шагом. Истощенному и измученному телу Зубова казалось, что они чуть ли не летят по мокрой траве. Было около шести утра. Наконец окольными путями они добрались до площадки, окольцованной со всех сторон панельными коробками. Кинув вещи на землю, Андрей повалился на лавку. Незнакомец сел рядом.

– А теперь расскажи, что случилось, – сбивчиво произнес Зубов, сжимая бушующие виски холодными ладонями.

– Да пока я в толчке был, услышал случайно, как один из ваших дружков в полицию звонил. Скажи спасибо моему организму, что предчувствует подобные ситуации.

Андрей все еще не мог прийти в себя и оседал на лавке, как пыль, непонимающе уставившись в одинокое дерево напротив. Кто мог сдать? Кто? Он ведь доверял им всем!

– Меня, кстати, Гриша зовут, – насмешливо сказал незнакомец.

– Андрей, – сурово промычал Зубов.

– А ты московский что ли?

Зубов почесал голову и зевнул.

– Ты как узнал?

– Паспорт твой видел. – Оба помолчали с минуту. К Зубову по кусочкам стало возвращаться сознание. – Что тебя сюда занесло, дружище Андрей?

Наконец сложилась цельная картинка в голове, разум протрезвел и стало легче дышать на морозном воздухе.

– А почему это ты решил вывести только меня, а? – проговорил Зубов, не отвечая на вопрос.

– Считай, что захотел спасти москвича в обмен на прописку, – серьезным тоном ответил Гриша. Андрей пробуравил его окосевшим взглядом, и тот рассмеялся. – Да шучу я. Просто ты показался мне адекватным человеком, который слегка потерялся. Остальных сколько ни вытаскивай – им уже ничто не поможет, увы. Горбатого могила исправит. Ну, или тюрьма.

– Да они же мои друзья! – возмущенно вскричал Андрей, вскочив с лавки.

– Во-первых, сядь и не отсвечивай, тут повсюду могут менты бродить, – невозмутимо сказал Гриша, и Зубов, неосознанно повинувшись его голосу, уселся обратно. – Во-вторых, замечательная дружба: один у другого ворует. Да не надо на меня так глаза таращить! Один из твоих закадычных друзей стащил кошелек из твоей сумки. – Зубов испуганно стал копошиться в карманах. – Успокойся, я ему вдарил как следует и положил все обратно. Откуда, по-твоему, я паспорт твой видел?

– Резонно.

– Кстати, чтоб тебе не было обидно, могу тоже официально представиться: Фридман Григорий Михайлович. Прошу любить и очень жаловать.

– Иностранец что ли?

– Я в любом городе иностранец, – насмешливо ответил Фридман. – Но вообще родился и вырос под Смоленском. Сейчас живу в Москве.

Зубов удивленно вскинул брови.

– И зачем вернулся? Что, в Москве с наркотиками сложнее? – засмеялся он и закашлялся. Фридман грустно улыбнулся и постучал ему по спине.

– Моя девушка погибла, – ответил он спустя минуту. Зубов снова едва не поперхнулся.

– А я ржу, как дебил! – воскликнул он. – Прости. Мне жаль.

– Ничего, дерьмо случается. После похорон некуда было пойти. Не к родителям же, вообще крыша бы съехала. Вот пришел, а тут ты. Судьба.

Они еще немного посидели. Издалека послышался звук сирены. Приняли всех.

– Поехали домой, а? – сказал Зубов. Голос его звучал тихо и неуверенно. Казалось, у этого человека нет никакого дома. Фридман улыбнулся и кивнул.

* * *

Зубов давно клялся и божился, что бросит маяться ерундой и займется делом. Но в конце концов часть уродливой правды всплыла наружу. После долгого рабочего дня Фридман притащился в берлогу Андрея с бутылкой вина в руках. Дверь, как обычно, была не заперта, и он без труда зашел в квартиру. Он застал Зубова в компании какой-то девушки. Она сидела на полу, руки ее метались по воздуху, а Андрей по указке прыгал в ту сторону, в которую она тыкала. Девушка залилась смехом, когда Зубов, споткнувшись о торшер, повалил его на пол и едва не брякнулся сам. Фридман прислонился к косяку двери, скрестил руки на груди и недовольно наблюдал за странной игрой. Неуклюже подняв лампу, Андрей почесал нос и разглядел в темном отверстии комнаты незваного гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.